
ХАРИТОН
МАМБУРИН
5
КОВАРНЫЙ
УКЛОНИСТ

Самый Красивый Гном

Харитон Мамбурин

Коварный уклонист. Книга пятая

«Автор»
2024

Мамбурин Х. Б.

Коварный уклонист. Книга пятая / Х. Б. Мамбурин — «Автор», 2024 — (Самый Красивый Гном)

Бытие одиночкой обладает массой неудобных моментов. А Магнус Криггс, шериф одного исчезнувшего города, не просто одиночка. Он вынужден скрываться, прятать свой облик, называясь фальшивыми именами. Тем временем, стоящие перед ним цели ясно демонстрируют свою недосягаемость. Его враги сильны, влиятельны, мстительны и чрезвычайно изобретательны, а из союзников лишь одна бестолковая зеленокожая девчонка, да умный кот.Нужны партнеры, ресурсы, связи. Информация и, конечно же, деньги. Но всё это найти совсем непросто, даже если ты боец экстра уровня.А если и найдешь, то кто знает, какой счет они выставят за свои услуги?Все это ему придется узнать самому, встав под знамена Революции...

© Мамбурин Х. Б., 2024
© Автор, 2024

Харитон Мамбурин
Коварный уклонист. Книга пятая

Пролог

Это был конец.

Ему впору было обосраться или хотя бы начать молиться, когда над головой загрохотали башмаки и раздались начальственные вопли полицаев, но вместо этого Михаил Басх по прозвищу Крюгер, внезапно ударился в воспоминания. Причем, не много, ни мало, как о своей мамаше и её последних словах, обращенных к сыну, которого она вышибала в тот момент за порог.

«Я тебя растила, ублюдок, заботилась о тебе и кормила, чтобы ты, впоследствии, отплатил мне той же добротой. Вместо этого ты пытаешься заложить дом, мой дом, своим дружкам, торгующим дурью! Думаешь, я не знала? Хах! Мальчик мой, у тебя впереди знакомство с тремя величайшими суками: мной, жизнью и твоей идиотской привычкой трепать своим языком по пьяному делу. Я уж, так и быть, отнесусь к тебе как мать – просто выкину тебя сейчас отсюда и из своей жизни, продам дом Чего Самлану, а затем уплыву пропивать свои деньги на Касдам. Давно хотела! Только вот запомни, придурок, другие суки тебя так не пожалеют. А теперь пошёл вон, мерзкий кусок дерьма, пока я не всадила в тебя нож!»

С тех пор прошло много лет. Крюгер не раз и ни два с благодарностью вспоминал свою незабвенную мамашу и её доброту. Знай он тогда, шестнадцатилетний тупой сопляк, уверенный, что знает всё и вся, кем была раньше Тарришия Басх, он бы скорее застрелился, чем стал бы подставлять мамочку, но та, видимо, на старости лет стала сентиментальной.

Или очень хотела пропить их домик. Не суть.

Особенно сейчас, когда над головой Крюгера грохочут солдатские ботинки. А это значит, что он не только будет в самом скором времени расстрелян за преступления против власти, но еще и то, что он, наконец, познакомился с третьей величайшей сукой – последствиями своей идиотской привычки по пьяни распускать язык.

И ведь всего… всего один раз сболтнул он о этом доме. Давно, почти пять лет назад, мельком, да еще и не вяжущему лыка Кимерису!

Херов одноглазый эльф! Он запомнил!

Сейчас Крюгера вытащат из подпола как жирную белую личинку крупного рогатого жука, водящегося в этих краях, после чего будет все кончено. За ним сюда, на край света, могли сунуться только люди барона Вейда, а этот господин не любит связываться с живыми преступниками. Михаилу отрежут голову, сунут в бочонок с солью и доставят в столицу, вместе с докладом, что лидер «Свободы и равенства» нейтрализован.

А как хорошо всё складывалось. На следующих выборах впервые за всю историю Эсхата места в парламенте страны должны были получить представители партий сельского хозяйства и рыболовных артелей. Простолюдины в палате лордов! Это, сука, была бы победа! Лиха беда

начало, но ему, Крюгеру, был нужен только прецендент, он и его люди вцепились бы в него, как голодающий пес в ляжку жены мясника! Они вкалывали ради этого дня почти десяток лет!

Удар был всеобъемлющим. Законники ударили не по рыболовам и не по сельским хлебожуям, они точечно врезали по организации «Свободы и равенства». Ключевых людей Крюгера вынимали из их убежищ, как тех самых личинок жука. Ни допросов, ни заключения, лишь ближайший пень, удар топором, упаковка головы. Так в Эсхате обычно поступали с слишком уж замаравшимися преступниками, чей ордер на арест или устранение подписан одним из герцогов.

Их просто вынесли как мусор.

Сам Крюгер уцелел лишь за счет того, что курировал в тот момент одно щекотливое дело, руководя двумя десятками записных душегубов, получающих плату только с его рук. Эти молодцы положили весь отряд законников, прибывший по душу Крюгера, но затем, вытряхнув из заказчика все наличные деньги, велели валить Михаилу куда глаза глядят.

И он свалил, сюда, на Хломское побережье, в темную просторную избу Хадда-висельника, стоящую наособицу от небольшого городка. Висельник промышлял скупкой краденого, а прикрывался варкой очень неплохого самогона, который можно было продегустировать в его гостевом зале. Брал он за свое крепкое пойло много, так что контингент, собирающийся временами у него за рюмкой, обычно был мал, немногословен и не беден.

Но Крюгера нашли даже в этой богами и драконами забытой дыре.

Вот он сидит, временами прикладываясь к фляжке хаддова самогона и слушает, как два утырка окучивают какую-то девку, каким-то раком забредшую к Хадду. Это действительно было весело, так как молодцы, прицепившиеся к девке, не торопились и не усугубляли, а, будучи мужиками хорошо так пожившими, если судить по голосу, убалтывали «зеленую» на тройничок, да еще и по-хорошему. Та пищала свои отказы так тонко и жалобно, что сам Крюгер, мужик тертый донельзя, и то бы не утерпел, разложив подобную писюшку прямо там, на столе. А эти держались. Похоже, просто из уважения к хозяину. И то верно, Хадд свои правила блюдет крепко, репутация у него среди местных работников ножа и топора, просто отличная. Хулиганства не спустит. Правда, кто помешает этим орлам девку выцепить на пути из хаддовой хаты? Выбор у нее был не богат.

Так что Крюгер, опустошивший половину фляги, уже догадался, что зеленую девку пытаются запугать, чтобы она драпанула из чужого дома со свистом. А там в ночи, сколько этого свиста? Там и тройничок случится, да и с выдумкой, с продолжением. Авось потом и продадут дурочку. Сюда, в порт этого городишки, самые разные суда заходят. Кстати, именно поэтому Крюгер на Хломское побережье и сунулся.

Однако, сегодня ночью всех ждал облом. Наверху ругались с знакомыми Михаилу до боли в деснах интонациями законников, слышались возмущенные глухие крики Хадда и любвеобильных воров, звуки ударов. На Крюгера посыпалась пыль от потревоженных падающими телами половиц. Это был конец.

Революционер-неудачник жадно приложился к фляжке, надеясь допить самогон до того, как лютующие наверху законники вышибут из упрямого хозяина информацию о подпольном

убежище. Живым Крюгер даваться не планировал, слишком велика была уже горечь поражения. Он слишком многое держал в голове, слишком сильно лелеял надежду удрать, а затем вернуться и отыграться…

«Парочку выстрелов в люк, когда откроется. Может и три…», – подумал Крюгер, досасывая фляжку, – «А затем пулю в голову. Как сраный Кимерис учил. Под углом, мол, стреляй, цельсь в макушку… Ну, мамаша, ты была права».

Правда, шанса умереть героем сука-жизнь Крюгеру не дала. На этот раз.

Наверху, не успел беглый революционер навести свой ствол на люк, раздалось несколько резких криков, непонятные звуки, резкий свист, пара-тройка выстрелов, звон разбившихся кружек, а затем короткий стон, сменившийся утробным коротким хеканьем. На несколько секунд воцарилась тишина, а затем послышались звуки старательно блюющего разумного. На голову Крюгеру капнуло что-то теплое, но не успел он, мазнув по макушке, рассмотреть добытое на ладони, как полилось тонкой струйкой.

Да и не в одном месте. От нежданной капели пахло отнюдь не блевотиной, а тем, что Крюгер давно знал, ценил и боялся. Металлическим и слегка удушливым запахом свежепролитой теплой крови.

Михаил застыл. Его руки, что вооруженная, что измазанная в кровище, тряслись. Сверху продолжало литься, угаживая Басха всё сильнее и сильнее. Наверху блевали и кто-то всхлипывал. В подвал продолжала капать кровь. Много. Он по каплям или даже струйками бежала вниз в неверном пламени светильника, пятнала доски, одежду, револьвер. Наверху кто-то ходил. Туда-сюда.

Нервы Крюгера не выдержали, и он полез наружу.

Выход из тайника был у Хадда на кухне, так что революционер, выбравшийся из закутка, в гостевой зал сунул своё слегка пьяное рыло и пистолет без всяких опасений за собственный зад. Но аккуратно, медленно и тихо.

Чтобы тут же почувствовать, что сейчас обгадится от страха.

Гостевой зал Хадда-висельника стал местом настоящей бойни. За Крюгером пришел с десяток разумных, которые сейчас, разделанные как бараны, валялись всюду в живописных позах. Кого-то выпотрошили, у троицы, валяющейся у дверей, в головах торчали метательные ножи, явно пробившие кости черепа, одному свернули шею… в общем, мясо. Законников порвали как щенят.

Тот, кто это сделал, заканчивал инспекцию тел. Невысокий, худощавый, с угольно-черными короткими волосами и в темных, прилегающих к глазам очках на ремешке. Убийца был одет в серый потрепанный костюм из плотной ткани, излюбленную одежду докеров, матросов и бродяг. Гном?

Сам хозяин жилья, как и его два клиента, почему-то тоже были живы. Ворюги, ранее домогавшиеся до девчонки, сейчас жались к бледному как смерть Хадду как цыплята к мамочке, но он не обращал на них внимания, неотрывно следя за невысоким убийцей, шага-

ющим между тел. Тот, кстати, уже закончил и направился к хозяину, правда, демонстрируя пустые руки.

Тут-то Крюгеру бы тоже сосредоточиться на мяснике глазами и стволом, да вот вновь сыграла старая привычка, от чего беглец самым тупым образом залип на бабу, отирающуюся у главного входа. Девчонка была очень молодой, смазливой и столь слабоодетой в какое-то подобие узких кожаных шортиков, что за шлюшку её принять можно б с первого взгляда. А еще этот… как его… корсет, из которого едва не выпрыгивают налитые зеленые сиськи. Шлюшка и есть. Правда, в плаще из мягкой ткани, под которым можно весь этот разврат спрятать, но сейчас-то он распахнут…

Смазливая красноволосая полугоблинша, явно имевшая в папочках орка, цветом не особо и отличалась от самого Хадда, однако, по чутью Крюгера, чувствовала себя в куда большей безопасности, чем все остальные живые в зале. Она что, с этим потрошителем?

– Хозяин, – раздался глубокий и очень приятный голос, исходящий от гнома, подошедшего к Хадду, – У меня к тебе три вопроса. Ответь «да» или «нет». Только честно. Справишься, я задам еще один вопрос. А потом уйду. Понял?

Хадд кивнул, сглатывая тяжелый ком в горле. Басх, так и не поднявший свой измазанный в крови пистолет, тоже затих.

– Вопрос первый, – начал гном, слегка дергая уголком рта и тыча пальцем себе за спину, – Эти утырки. Они искали некоего Крюгера. Ты это слышал?

– Д-да, – хрипло пробормотал Хадд, нервно протирая грязным полотенцем свою жирную щетинистую шею.

– Хорошо, – бледно улыбнулся убийца, – Мне плевать, кто этот Крюгер. Вопрос номер два. Ты видел, как один из этих ушлепков сильно толкнул мою женщину? Так, что она упала?

– Да, – тут же твердо кивнул скупщик краденого. Присмотревшись, поддатый Крюгер, которого начало попускать, увидел, что на лбу зеленой шлюшки напухает шишка.

– Отлично, – еще сильнее обрадовался гном, расцветая куда более искренней и привлекательной улыбкой, – Тогда еще вопрос – ко мне или девушке претензии есть?

Улыбка мясника, такая добрая и приятная, тут же испарилась, от чего Михаилу резко поплохело. Несмотря на то, что его, казалось, еще не заметили, революционер предельно ясно понял, какой ответ ожидают от толстого скупщика.

– Нет! – Хадд-висельник ответил настолько категорично, насколько мог толстый запуганный мужик, к которому жмутся два преступника.

И вновь сияющая улыбка. А затем короткое и душевное предположение, что низкорослый убийца сейчас, конечно, может собрать трофеи с негодяев, обидевших его во всех отношениях прекрасную женщину, а может и уступить большую часть валяющегося на полу гостеприимному хозяину с большой скидкой. Вдруг согласится? И тогда он вместе со своей женщиной

куда быстрее покинут этот печальный дом, куда без спросу по ночам вламываются разные упыри. Покинет, больше никому не причиняя вреда.

Хадд решил тряхнуть мошной. Ну а кто бы на его месте отказался от столь соблазнительного предложения? Тут не только он, но и ворюги, бросающие умоляющие взгляды на продолжающую стоять у дверей шлюшку, принялись за дело, сноровисто сдирая с покойников их имущество. Зловещий гном тем временем стоял у главного входа, вслух рассуждая о том, что чувствует в себе невероятный душевный подъем, поэтому готов подарить доброму хозяину четыре лошади, стоящие у коновязи… если тот купит по дешевке еще четырех.

Висельник был весь из себя согласен. Настолько, что даже наблюдающий весь этот блудняк Крюгер никак не мог отделаться от тупой навязчивой мысли, что самогонщика *не грабят*, а действительно, просто продают ему ненужное. Недорого. Всего-то за тощую пачку купюр немалого номинала. Ну и жизнь в довесок.

Страшный и странно притягательный гном сдержал своё слово. Он собрал с законников несколько пистолетов, пару винтовок, ободрал почти все их патронташи, а затем, быстро выбрав себе и подруге по лошади, тут же направил свой новый транспорт по лесной дороге. В ночь.

Правда, легкой неожиданностью для всех, включая и себя, стал бегущий за лошадьми Крюгер, ощутивший острейшую потребность поговорить с этим во всех отношениях замечательным гномом. Была еще одна потребность, она заключалась в легкой стирке штанов, нательного белья и, собственно, самого Михаила, но несмотря на свои паршивые отношения с тремя суками, ставить приоритеты революционер, бандит, беглец, политик и криминальный воротила умел прекрасно. Как себе, так и другим.

Поговорить с гномом сейчас было важнее, чем даже выжить.

Глава 1

Мысль о том, что всё как-то катится к чертовой матери, оформилась во время небольшого перекура. В малюсенькой речке, отстирывая свои шмотки и тело, возился наш случайный попутчик, вцепившийся в нас как клещ, красноволосая Стелла шумно возилась в кустах, пытаясь содрать с себя шорты и корсет, а я уныло раскуривал сигарету из конфискованной у одного в прошлом горластого и наглого трупа пачки. Табак был полное дерьмо, впрочем, как и вся наша жизнь в последнее время, но я все равно курил.

Из принципа.

Около трех месяцев назад я, угробив одну мерзкую ведьму, немало попившую крови у мира, грёб к острову, на котором меня ждала, сидя на чемодане с деньгами, та самая юная особа, что сейчас, шипя змеей, воюет со своими тесными портками в надежде сменить их на мягкие и удобные штаны, что я приучил её носить. Жизнь мне тогда, плывущему в теплой водичке, казалась ну просто прекрасной!

Предпосылки к такому восторженному состоянию мыслей у меня были. Саломея Аддамс, кровавая пиратка, маньячка, а заодно и мамаша одной бешеной особы, убита моими собственными руками, её воспетый в дохрена печальных песнях корабль вместе со всей командой мяс-

ников догорает невдалеке, а у меня на руках миллион барганатов и полная свобода действий. Ну и мелкий досадный нюанс в виде слегка безумной полугоблинши юных лет с жизненным опытом на уровне неношеного тапочка. Ну и кот, хотя Волди куда полезнее и разумнее. Но даже последнее приобретение наивным мной тогда воспринималось как инвестиция – Стелла Заграхорн при всех своих многочисленных недостатках была прекрасным пилотом дирижабля и неплохой любовницей. Ну и слишком много про меня знала, а убивать её не хотелось.

Черная полоса началась с того, что нас ограбили. Я, будучи уже воробьем стреляным, выбрал самую засранную и нищую деревню на всем том засранном и нищем острове, надеясь тихой сапой выбраться с помощью заплывающих туда контрабандистов на какой-либо континент. План был вполне разумен, так как денег у нас вполне хватало на покупку нормального дирижабля, что решало множество других проблем. Правда, предвидеть то, что те темнокожие ублюдки, что наймутся доставить нас на ожидающий вдалеке корабль решат, что куда разумнее будет бросить меня в кусты, пнуть несущую кота полугоблиншу в живот, а затем сбежать с нашими вещами на уже готовой к отправке лодке… я не предвидел. Просто-напросто забыв, кем я визуально являюсь для незнакомцев – обычным худощавым гномом довольно безобидной внешности.

Лодку с десятком местных я довольно быстро догнал вплавь. Киду такой фокус сотворить несложно. Правда, потом всё пошло наперекосяк. Сжимающий в объятьях мой чемодан мужик оказался очень любвеобильным, ну или его здорово потрясло, что я, первым делом как залез к ним в гости, в два удара старрхом отчекрыжил головы парочки трудившихся на веслах сопляков… сути это, в общем-то, не меняет. Заорав раненым лосем, мужик швырнул чемодан в меня, от чего пришлось сначала уворачиваться, потом потрошить остальных на лодке, только потом возвращаясь к извлечению своего имущества. А оно, мало того, что попало в воду, так еще и защелки чемодана удара об лодку не выдержали…

Нужно ли говорить, что всё происходило глубоким вечером, так как честные контрабандисты даже в такой заднице мира, как этот остров, днём не ходят? Рассыпавшиеся купюры радостно принял в себя океан, оставляя нас троих нищими, как церковные мыши. В общем, на корабль мы всё-таки попали, но остались с голыми задницами, оплатив проезд моими со Стеллой ружьями.

А затем всё усугубилось.

Про одного, который в поле воин, пословица сочинялась, когда единственной тактикой боя была «стенка на стенку». Бедные кочевники, придумавшие засыпать противника стрелами, не подпуская его к себе близко, были подлецами только с точки зрения этого противника, а попутно чуть ли не половину мира завоевали. Моего, конечно же. С тех пор и понеслось. Что может пехота без разведки, без поддержки артиллерии, без танков – против полноценной армии? Ничего.

Вот и я ничего не мог. По меркам этого мира, я уже был превосходным бойцом. Солдатом, стрелком, убийцей, шпионом, бандитом – тут что ближе, то и есть, но… Об этом никто не знал. А репутация есть и остается крайне немаловажным фактором, порой открывая двери, не доступные по-другому никак. Всё что у меня было – это старрх, пара стволов, одежда, немного поправившийся на обильных харчах Волди да наивная полугоблинша, у которой вечно (хоть и регулярно) меняется темперамент. Маловато для разыскиваемого преступника, на которого давным-давно охотятся все, включая, быть может, даже легендарных драконов. Нужен был

доступ к системе, способной взаимодействовать с миром, не выставляя меня на всеобщее обозрение.

Разумеется, такие системы под кустами не валялись, а черная полоса и не думала заканчиваться. В итоге мы, оставшись с почти пустыми карманами и одним моим ножом были высажены на самом севере Лазантры. Континента, на котором меня и призвали в этот мир.

Что делать? Найти полулегальную рюмочную, заставить Стеллу одеться посвободнее, а потом подождать, пока на эту нимфетку не клюнет хоть кто-нибудь. Затем негодяи распускают руки, из-за стола поднимаюсь неотвратимо-молчаливый я, происходит процесс нанесения легких и средних травм, взимается компенсация за всё подряд, ура, у нас есть деньги на завтра. Хороший план.

Вышло, правда, не очень. Разумные, которых я выпотрошил, определенно имели отношения к какой-то государственной службе. Это прослеживалось в их почти одинаковой запыленной форме, в значках, в табельном оружии… пришлось доить местного трактирщика на полную. Нам теперь предстоит сматываться отсюда подальше.

Из кустов, растущих прямо у воды, держась за их длинные гибкие ветки, выполз из воды тот самый назойливый мужик, что бежал за нами. Что примечательно, даже вовсю пылая жаждой общения, глотку он на весь лес не драл, а кричал, можно сказать, шепотом, от чего и заслужил щепотку уважения. Кроме того, у него были разноцветные глаза. А еще он был психом, если рванул на своих двоих за мясником, только что превратившим одну избу в филиал бойни. Или…

– Тебя зовут Крюгер, – обратился я к мокрому мужику, с растерянным видом идущему ко мне, – И ты – в жопе.

Застыв на секунду, мужчина хлопнул пару раз ресницами, глядя на меня, а потом неожиданно ухмыльнулся. А затем сел около кота, не двинувшегося с места, но покосившегося на нового соседа с изрядным сомнением.

– Как насчет того, чтобы помочь мне из нее выбраться? – спросил он.

– Я похож на того, кому нужна работа? – поднял бровь я.

– Ты похож на того, кто хотел грабануть пару полунищих обормотов, подцепив их на медовый крючок, – бодро среагировал отмывшийся от крови и посвежевший внешне мужик, – Поэтому, думаю, что ты, как минимум, меня выслушаешь.

– С чего ты это решил? – спросил уже почти согласный я, глядя на дерущуюся с нежелающим её отпускать кустом Стеллу.

– Ты меня не убил.

Солидный аргумент.

Так и началось общение двух негодяев с большой дороги, один из которых был когда-то шерифом, а второй революционером. Причем, ирония жизни была в том, что оба они планировали вернуться к своей старой деятельности. Или, хотя бы отметиться в местах боевой славы.

Михаил Басх, этот разноглазый белокожий жилистый мужик, при всех своих ухватках, выдающих в нем отпетого бандюгу и подлеца, был патриотом. Или, что я вполне допускал – он тот еще амбициозный ублюдок, увидевший единственный способ собственного возвышения в том, чтобы слегка смешать социальные слои. Не суть важно. Главное, у него были мозги, связи, потрясающий нюх на выгоду, а заодно и амбиции, которые и втыкали шило в худой зад этому прожжённому прохвосту с повадками убийцы. А еще у него в кармане практически была революция. Ключевой момент: «была».

В каком плане? Тут нужно начать издалека.

А именно с Эсхата. Вполне себе большой и развитой страны, отхватившей себе почти треть северного побережья Лазантры. Самую «вкусную» треть, через которую проходил основной траффик межконтинентальной торговли. Кроме этого, Эсхат имел ресурсы, преимущественно субтропический климат, много полезных ископаемых… в общем, можно сказать, был упакован на зависть всем соседним странам. А еще, это уже в минус, здесь была монархия. Не простая, а парламентского типа.

В этом и порылась собака.

Структура государственного управления была следующего типа: монарх, имеющий определенное число голосов в Верхнем парламенте и право вето, сам Верхний парламент, состоящий из всех без исключения высших нобилей Эсхата под предводительством четырех герцогов, а также Нижний парламент, включающий в себя представителей торговых и производственных гильдий, цехов и артелей добытчиков. Нюанс, добавил болезненно скривившийся в свете костра Крюгер, был в том, что Нижний парламент, несмотря на свое громкое название, нес сугубо совещательный характер.

В Эсхате шла вечная грызня всех между всеми, из-за чего, по глубочайшему убеждению моего ночного собеседника, вскоре государству вполне мог грозить кирдык. Откуда?

Кригстан.

Что за грызня? Всё просто. Аристократия делает всё, чтобы удержать и укрепить свою власть в стране, где все быстрее набирают силу и влияние простолюдины, в руках которых время от времени оказывается чересчур серьезные (по мнению аристократии) производства. Разумеется, нобили их подгребают под себя. Разумеется, подобной политике сопротивляются всеми силами. Купцы, банкиры, промышленники, цеха. И, конечно же, сам монарх, в данном случае это Кивол Дейтрен Третий, всеми силами поддерживает определенный баланс, сохраняя собственную власть. Совсем недалеко ушедшую от абсолютной.

Каким образом? Право вето на ту или иную инициативу Верхнего парламента заставляет аристократов, поджимаемых простым народом, ходить перед монархом на цыпочках. Пока монарх не лезет в дела своих вассалов, те потакают любому его решению в надежде заслужить благоволение и его голос на заседаниях парламента.

– Вся эта система убога, – скрежетал зубами Крюгер, раз за разом ломая подобранную им сухую ветку, – Понимаешь? Нас уже почти обогнали соседи, которые 70-80 лет назад были просто пустошами, населенными кланами дикарей! Пока Дейтрены цепляются за свою династию, мы тонем в этом дерьме! Вся страна тонет!

– Мне насрать, – коротко отреагировал я на пламенную речь своего случайного собеседника, – Если ты предлагаешь дело, то переходи к сути. Что тебе нужно. Что я получу. Какие сроки и гарантии.

– Ладно, – моментально остыл Крюгер, – Слушай. Ты был прав, я в жопе. Мою организацию уделали за одну операцию. Но все может быть еще хуже, чем сейчас. На мне висят обязательства, обещания, контракты… прочая хрень, которая не позволит спрыгнуть с дела. Найдут и закопают. Те или другие. Если я смогу выжить и начну брать реванш, то претензии эти разумные отложат в долгий ящик, а то и вовсе забудут. Ресурсы… ресурсы есть. Деньги, вооружение, наркота, предметы роскоши. Информацию о тайниках я держал при себе. Платить, сам понимаешь, могу много чем. Но и потребуются твои услуги по полной. Защищать, убивать, пытать, подслушивать… Ты же Должник?

Стелла нервно сглотнула, на секунду привлекая наши взгляды. Полугоблинша весь разговор старалась не отсвечивать, но тут не сдержалась. Волди длинным бесшумным прыжком скрылся в траве. Умница, котик.

– Допустим, я кид, – медленно проговорил я, прикидывая, не разложить ли пламенного борца с аристократией прямо тут, на колышках, на предмет узнать у него о некоторых нычках, – Что с того?

– Некоторые аристо содержат ихорников, – побледневший Крюгер явно что-то почуял, – Даже устраивают с ними бои. Я имею допуск к этим боям. Мы устроим тебе жизнь без внимания Бога-из-Машины. На какое-то время точно, но если мной задуманное удастся, то и навсегда!

– Заманчиво… было бы, – решил я пойти ва-банк, – Но это ни к чему.

Забавно было наблюдать, как выражение лица Михаила Басха меняется. Он был уверен в том, что я Должник. Предпосылки простые – никто не будет затевать драку с десятком законников лишь потому, что они грубо пихнули какую-то девчонку. Значит что? Значит, я их вырезал затем, чтобы получить повод ограбить их мертвые тела. Почему я это сделал? Потому что не боялся десятка вооруженных ухарей. Кто я такой? Должник.

Только вот между Должником и кидом, выплатившим свой Долг – пропасть в силе.

– Ты же… Магнус Криггс? – испуганно прохрипел человек, не отводя от меня остекленевшего взгляда.

Чем дальше, тем интереснее, подумал я, услышав приглушенный всхлип Стеллы, медленно поднимающейся на ноги. Девочка решила последовать примеру котика. Умная девочка. Мой собеседник напрягся еще сильнее, но… остался на месте. Его выдавали сжатые до побелевших костяшек кулаки.

– Да.

Ситуацией грех было не воспользоваться. Мне позарез нужен кто-то, кто будет от своего имени искать то, что нужно мне. А еще деньги, убежище, безопасность для Стеллы, к которой я слегка привязался. Михаилу Басху, этому разноглазому преступнику-патриоту, наоборот, нужна тень, которая будет следовать за ним, оберегать, страховать и защищать. Я бы мог сейчас представиться вымышленным именем, только вот это создало бы риск в будущем, что этот умный засранец догадается и тогда… инициатива перейдет к нему. Более того, в том щекотливом деле, в той авантюре, что Крюгер собирается провести, недостаток информации обо мне вполне может стать для него или нас фатальным.

– Я кое-что хочу прояснить для тебя, Крюгер. Мне покласть на Эсхат. Да и на каждую страну этого континента тоже. Мне не интересны ни деньги, ни власть, ни справедливость, ни чувства обиженных и оскорбленных. Твои тайны, секреты, грязное белье – тем более, – медленно проговорил я, не отводя от собеседника взгляда. Для этого пришлось снять очки, показав глаза собеседнику, – Сдавать тебя мне не будет никакого смысла. Меня и так ищут все, кому не лень. Ты находишь кое-что нужное мне, а я помогаю тебе. Затем, в какой-то момент, мы расстаемся, забывая о друг друге. Вот такое вот временное партнерство. Как тебе идея?

– Демонова фляжка…, – прохрипел Михаил, хлопая себя по карманам и не отводя от меня взгляда, – Где она, когда так нужна…

– Я на лошади видела! – внезапно пискнула Стелла, резво ускакав к меланхолично жующим лошадям.

Пил революционер долго. Высадил половину чуть ли не двухлитровой фляги, из которой несло кислым вином. Я спокойно ждал. От мужчины несло серым флером страха, но гораздо меньше, чем должно было бы от того, кто сидит в темном лесу у костра с человекообразным монстром, который может легко отправить на тот свет. Очень легко. Должники своей легкостью и славятся. Видимо, дела у товарища Крюгера были действительно плохи настолько, что перспектива партнерских отношений со мной была для него была лучшим выходом из положения.

– Не годится, кид, – взгляд моего собеседника, когда он поднял на меня глаза, отняв ото рта флягу, блеснул сталью, – Лучше убей меня тут. Проще и легче для нас обоих.

– Партнерство исключает диктат, человек, – хмыкнул я, – Не торопись на тот свет, просто объясни свою точку зрения. Мы можем попробовать найти компромисс.

Мнение сохнущего бандюги оказалось простым и понятным – он может попробовать взять реванш в Эсхате, да, но с гарантией, что я буду прикрывать его спину столько, сколько потребуется для дела. То есть, не свалю внезапно со свистом, как только на горизонте появятся мои личные интересы. Это было понятно – у человека только что грохнули весь круг доверенных лиц. Что еще остается делать, как не идти ва-банк в ночном лесу под хруст чего-то сушеного, употребляемого теряющей на глазах стеснение полугоблиншей?

Мы договорились.

Я бродяга, изгнанник, разыскиваемый самыми разными личностями, обладающими большой властью. В данный момент, если игнорировать существование Крюгера, то всё, что

нам с Стеллой и Волди остается – это шляться по дикой местности, провоцируя и истребляя разных сомнительных типов ради мелочи в их карманах, надеясь когда-нибудь накопить на дирижабль, на котором мы полетим, куда глаза глядят. Хреновые перспективы, что и говорить. Договориться с Крюгером, пообещав прикрывать его спину до тех пор, пока он не сформирует себе нормальную службу безопасности, было вполне логично. В обмен на содержание, вооружение и безопасность для моей спутницы. Кстати, о ней…

– *Rkaat fimver vetata infer…,* – пробормотала наевшаяся девушка, протягивая руку к костру. С её пальцев сорвалась слабо светящаяся вытянутая искра, тут же зарывшаяся в угли. Пламя вспыхнуло посильнее, обдав наши лица едва заметным жаром.

– Она маг? – без особого интереса спросил прервавшийся на половине фразы разноглазый почти-напарник.

– Лучше, – ухмыльнулся я, – Он пилот дирижабля.

– О! – Крюгер тут же оживился, – И хороший?

– Одна из лучших.

А вот про способности к волшебству у зеленой девчонки я подобного сказать не мог. Потихоньку обучая Стеллу мелочам, которых нахватался по верхам в Незервилле, я уверился, что талант у полугоблинши развит лишь в одной сфере – в полётах. Она не шатко ни валко училась счету, неплохо стреляла, с боем на холодном оружии был полный провал, но совсем полнейший был с магией. Дело было в том, что сила внутреннего источника госпожи Заграхорн вплотную зависела от темперамента девушки, имеющего привычку «переключаться» чуть ли не каждую неделю. Сейчас, в образе «забитой и стеснительной девчушки» она могла разве что слегка оживить костёр или создать легкий порыв ветра. В наиболее стервозном своем режиме это же легкое заклинание розжига костра вполне было способно поджечь человека. Ну а толку от этого?

– Пилот нам очень пригодится, – тем временем потёр руки подмерзший революционер, а затем серьезно посмотрел на меня, – Ну так что, кид, мы договорились?

– Детали обговорим позже, – кивнул я, – А пока нужно отсюда валить. Только куда?

– За этим не заржавеет.

И мы отправились сквозь ночной лес, ведя недовольно фыркающих лошадей на поводу и тихо переговариваясь. Предстояло как следует поплутать, заметая следы, а заодно выбираясь в ту точку, которую революционер-неудачник назначил первым шагом к своему возвращению в свет.

Михаил Басх по прозвищу «Крюгер» оказался странным, но интересным человеком.

Первое – он был циничным отмороженным ублюдком, неплохо побитым жизнью. Преступником, бандитом, вором, контрабандистом, мошенником и убийцей. Правда, в какой-то момент, видимо, еще с молодости, нечто в его мозгах нехарактерно переклинило, от чего он занялся своим образованием.

Второе – да, он был образован. Неглубоко, но всесторонне. Это было видно по манере речи, по скорости импровизации, по тому, как быстро и правильно он анализирует мои и свои вопросы с ответами. Спустя двое суток шатания по лесу, я раскрыл секрет этого жилистого разноглазого мужика – у него была великолепная память. Далеко не эйдетическая, а просто очень хорошо организованная. В работе с ней он был настоящим талантом. Не представляй его Источник из себя дышащую на ладан искру, я бы не устоял перед соблазном поделиться с Крюгером несколькими заклинаниями просто ради того, чтобы стимулировать на обучение Стеллу.

И, конечно же, третье. Я еще из своей первой жизни усвоил, что умный и всесторонне развитый индивидуум может испытывать глубокие чувства либо к своей семье, либо к чему-то, что он *назначил* для себя якорем. Вера, патриотизм, любовь, преданность господину… у многих не объясняемых чистой логикой эмоций единственный их смысл в заякорении сознания и характера. У этого человека ничего подобного не было. Он был просто зол.

Очень хорошо знакомой мне и совершенно неестественной для этого мира злостью.

Почему господа политики гребут под себя и продают свои голоса в то время, как их работа – служить избирателям? Почему дядя милиционер отворачивает голову, идя мимо драки пяти пьяных тел? Почему службы коммунального хозяйства начинают что-то делать только тогда, когда заваливают жалобами тех, кто может вставить им пистон? Сотни, тысячи «почему» от того, кого в школе и дома учили совершенно другому. Констант не существует. Мир не совершенен. Великая машина держится на компромиссах.

Михаилу Басху никто не давал никаких социальных гарантий. У него не было никаких иллюзий. Именно поэтому он и разозлился.

Преступник из низших слоев общества, осознавший, что его страна уступает позиции, погрузившись в долгую вялую склоку за власть между аристократией, монархом и народом, первый осознал, что если всё оставить так, как есть, то вскоре, лет через 20-30, Эсхат будет поглощен. Завоеван соседями или далеким грозным Кригстаном после долгой и кровопролитной гражданской войны. Это было неминуемо. Вместо того, чтобы бежать или смириться, он взбесился и принялся за дело.

Почти достиг успеха, причем какого! Не просто поднял народ на бунт, о нет, он, этот разноглазый мужик, почти продвинул целых две партии в Верхний Парламент! Еще чуть-чуть и всё в Эсхате могло пройти по мирному пути – с налаженным диалогом разных социальных слоев, с новыми весомыми элементами в системе сдержек и противовесов, аристократия и монархия вынуждены были бы мирно уступить некоторые позиции. Это бы позволило Эсхату хотя бы купировать темпы собственной деградации. Для начала.

…но он проиграл. Зато не сдался. Увидев шанс, рискнул жизнью, и теперь, вымотанный донельзя и голодный, тащит впереди меня свою лошадь, твердо намеренный взять реванш.

Что же, это будет интересно!

Глава 2

Гоблин – это невысокий зеленокожий гуманоид субтильного телосложения. Он мельче человека, с весом, колеблющимся в районе 40-50 килограмм, но мало уступает людям в силе, ловкости и скорости. Скорее, даже превосходит. Впрочем, этот момент можно оправдать тем, что чистокровные гоблины по всему миру живут на природе, отдавая немало времени физическому труду и охоте. Главное же отличие от гомо сапиенс, за исключением цвета кожи, будет состоять в строении головы у особей невысокой расы. Наиболее актуальным сейчас для меня является нос и челюсти этого прекрасного существа. Причина же интереса довольно проста – широкий рот гоблина, полный острых белых зубов и его длинный выдающийся нос, отчаянно мешающий быстро запихать в рот тряпку.

Правда, я уже не был тем растерянным попаданцем, что пришёл в себя, будучи извлеченным из резервуара в храме Бога-из-Машины.

Крепко схватив безмятежно спящего гоблина за шею, я уверенным движением сломал ему нос, «убирая» мешающую мне часть вбок, а затем, грамотно используя момент, когда несчастный раскрыл рот, чтобы заорать, сунул туда тряпку, аккуратно утрамбовав её поглубже. Затем моя жертва получила удар ниже уха, благополучно вырубаясь, а мне пришлось обматывать его голову дополнительными тряпками, дабы не только зафиксировать кляп, но и не оставить за собой капель крови из слегка надорванного носа, когда я буду покидать стойбище с добычей. Нос после этого я с легким противным хрустом вернул на место.

Тихо уйти с грузом из стойбища было делом техники. Несмотря на то, что конкретно этот гоблинский клан был куда больше, чем тот, в котором я как-то раз жил некоторое время, местные ничего не опасались, ночных патрулей почти не было.

– Ты зачем ему нос сломал?! – шокировано прошипел Крюгер, рассматривая в свете костра притащенного мной гоблина. Вид тот имел не слишком презентабельный, несмотря на то что кровь была мной заботливо вытерта. Носище стремительно опухал, наливаясь нездоровой темнотой, а сознание вовсе не спешило вернуться в внезапно ударенное по голове тело.

– Кляп не влезал, – пожал я плечами, выливая на жертву своей ночной агрессии полный котелок холодной речной воды, – Кстати, вытащи у него изо рта тряпку, а то, кажется, он её жрёт. Непроизвольно.

Стелла, закрыв обеими руками рот, отвернулась, когда тихо матерящийся революционер начал извлекать действительно частично проглоченную гоблином тряпку. Тот, явно мстя за все хорошее, тут же резко изогнулся, поворачиваясь набок и блюя человеку на колени. Причем, не приходя в сознание!

– Ма… Кастор, твою мать, что ты наделал! – матерящийся Михаил, вскочив на ноги, тут же ринулся туда, откуда я и принес котелок с водой. Стелла, посмотрев на блюющего на боку гоблина нечитаемым взглядом, неспешно отвернулась, оперлась рукой на дерево и запустила параллельный процесс. Оставалось лишь приложить руку к лицу, ожидая развития событий. Рядом сидел Волди с высунутым языком. Бедолага просто вылизывался, когда всё началось, а теперь завис на середине цикла.

И… да. Теперь у меня еще одно новое имя. Кастор Дрейк. Если тебя в лесу находит пусть и неглупый, но оборванец с края света, который через пять минут диалога уверенно называет твоё настоящее имя, выводы очевидны – нужен псевдоним.

Не только он. Нужен плащ с подкладками на плечи, обувь на высоком каблуке, полумаска на лицо. Каблуки. Черт побери, никогда не думал, что буду учиться ходить на высоких каблуках, но увы, это теперь необходимо. Также, как и самое паршивое – сунуть старрх в долгий ящик, в смысле на дно вещмешка, забыв про своё любимое оружие на долгое время. Крюгер несколько раз подчеркнул, что моё существование уже усложнило жизнь многим гномам даже в Эсхате. Про Должников и говорить не приходилось.

Так что, пока не замаскируюсь, буду неслышимой тенью нашего революционера.

– Маг… Кастор, – поправилась полугоблинша, когда мы отошли с ней подальше, дабы не мешать общению человека с беспредельно злым гоблином, которому свернули нос на бок, – Ты уверен, что правильно поступаешь? Я не верю этому Крюгеру.

– Значит, растёшь над собой, – криво ухмыльнулся я, – Верить никому не стоит. Особенно на твоём месте.

– И какое моё место? – нахмурилась зеленокожая девушка, складывая руки под грудью.

– Уязвимое, – не преминул я назидательно потыкать пальцем в ей левую грудь, – Ты молодая, привлекательная женщина с плачевными навыками самообороны. И при этом полугоблин. Сама догадаешься про то заведение, где таких ждут? А кроме борделя тебя не ждут нигде. Твой максимум в наших текущих реалиях – устроиться возить по небу какого-нибудь толстосума. Будешь пилотировать и заботиться о его стручке во время долгих печальных перелетов. Как тебе перспектива?

– Скорее сдохну, – поникла девушка, бросая на меня просительный взгляд.

– Значит, что? – продолжил я, продолжая тыкать пальцем уже в другую грудь, причем, не особо заботясь о том, чтобы не сделать больно, – Это значит, что тебе, как пилоту, нужен покровитель. Такой, кому твоя задница и сиськи куда менее важны чем преданность и умение держать язык за зубами. Крюгер подходит идеально.

– …а ты не подходишь? – через несколько секунд молчания робко спросила полугоблинша.

– Вспомни таверну, где мы увидели Крюгера, – тут же посоветовал ей я, – У меня всю жизнь так. Кровь, смерть, риск. Если думаешь, что я откажусь от своих планов, чтобы весело летать с тобой в небесах и наживать добро, то лучше выбей из головы эту дурь, пока еще не лежишь с пулей в животе в какой-нибудь канаве. Потому что если ты получишь эту пулю, то максимум, что я для тебя сделаю – так это добью. Если будет свободное время.

Наивная девчонка, с которой меня свела судьба, была не глупой, но… крайне наивной. Её папаша, тот еще ублюдок, не пытался вырастить из своего ребенка полноценного члена общества. Он воспитал для себя идеального пилота, который возил его зеленую жопу по всем мрачным делишкам, которыми заправлял этот гоблин. Получилась эдакая добровольная узница своей же летающей клетки. В итоге «клетка», набитая авиационным топливом, разнесла к чертовой бабушке «Нимродель», корабль гребаной Смешливой Пикси Аддамс, а мне доста-

лась зеленокожая спутница-любовница, убить которую не поднималась рука. Оставлять же девчонку на произвол судьбы было бы еще более жестоким решением, чем всадить в нее старрх.

– Кроме того, – решил я приободрить девчонку, – Мы обсуждали гипотетически идеальный путь развития событий. А подобное, насколько мне известно – никогда не происходит. Так что, скорее всего, мы доживем до счастливого момента, когда Крюгер раздобудет дирижабль, а затем, когда у него запахнет жареным, свалим на нем. Меня нервирует, что мы так близко находимся к Кригстану.

– А чем он опасен? – поинтересовалась тут же приободрившаяся девчонка, начавшая гладить вспрыгнувшего ей на руки кота. Они с Волди неплохо ладили, он даже доверял вычесывать красноволосой его шерсть.

– Представь себе целую нацию, каждый представитель которой скорее отправит тебя с кайлом в шахты добывать полезные ископаемые, чем начнет интересоваться, что у тебя в трусах, – грубовато, но справедливо описал я.

Кригстанцы действительно были той еще нацией. Гномы и так тяготеют к дисциплине и строгой иерархии, что в случае Кригстана вылилось в натуральный прообраз рейха – жесткую нацию с огромным военным потенциалом, вечно с кем-то конфликтующую. Успешно причем, следует заметить. Кригстан медленно «пожирал» страны на своем континенте, предпочитая давить соседей на уступки и поглощать только при наличии солидного казуса белли. В отличие от конфедерации Барджайя, с которой я недавно столкнулся. О ней Крюгер тоже обмолвился, увидев мой интерес. Орочья цивилизация погрязла в бунтах из-за дефицита наркотика, прозываемого «симценз». Без этого порошка, получаемого из грибов, выращивавшихся ранее на подземных плантациях, среднему барджайскому орку было почти невозможно смириться с трудовыми нормами, предъявляемыми властями. А тем самым властям, благодаря культуре этой ушибленной страны, было почти невозможно смириться с бунтующими подданными. Кригстан в этом плане был проще и гибче. От того и опаснее.

Басх с приходящим в себя гоблином торговались жестко и долго. Зеленокожий, занимавший далеко не последнее место в иерархии местного племени, за свой нос и прочие обиды трепал нашему партнеру нервы, как собака крысу – неутомимо и беспощадно. Но диалог шёл, и разноглазый человек, насколько я мог судить по тону голоса, постепенно брал верх над раздраженным гостем. Мы со Стеллой уж было решили подслушать, о чем там треплются эти двое, как неожиданная вспышка страха в кустах заставила меня прореагировать броском небольшого ножа, которым я в данный момент вытачивал палку под вертел. Лезвие пробило легкое почти взрослого зверя, напоминающего безрогого оленя, от чего тот и свалился там же, где и вскочил, хрипя и взрывая копытами дерн. Быстро добив нежданную добычу, я срезал сук подлиннее, вручив его и нож Стелле, а сам, достав из спинных ножен старрх, принялся разделывать добычу, пока полугоблинша с ворчанием строгала новый вертел.

– …! – чуть позже злобно пробурчал Крюгер, впиваясь зубами в горячее мясо приготовленной добычи. Гоблин к тому времени уже ухромал к себе в стойбище, унося с собой один из пистолетов нашего спутника в качестве компенсации. Как я понял – очень и очень частичной компенсации, ибо нос я набок свернул кому-то довольно влиятельному и злопамятному.

– Если бы я был с ним нежен, он мог очнуться и начать орать, – философски сказал я, ковыряя веточкой в зубах, – Если бы он начал орать, на меня бы напали. Гоблины неплохо видят в темноте, могли бы и опознать. А так – чуть-чуть неприятностей и заблеванные сапоги.

– Насрать уже, – обозначил свою позицию человек, сплевывая что-то плохо поддавшееся жеванию, – Зато теперь я знаю, куда нам идти и что делать.

– И куда? – полюбопытствовал я, пытаясь поджарить на ноже, броском которого и убил животное, кусок печени. На самом деле просто делая вид, так сожрать кусок планировал сырым, для придания себе бодрости. Кот, сидящий у моей ноги, маскировкой не заморачивался и трепал свою долю в сыром виде.

– Пока никуда, – отреагировал Крюгер, – Сидим, жрем, спим. Ждём, пока местные гоблинши не пошьют тебе маскировку. Я и шага дальше не сделаю, пока у тебя лицо открыто.

– А что с ним не так? – подала голос объевшаяся и от того осмелевшая Стелла.

– Девочка, ты к нему, видать, привыкла, – криво ухмыльнулся революционер-гопник, – Твой приятель слишком большая красотуля. Бросается в глаза, даже после нашего путешествия по лесам.

Ну охренеть теперь.

Двое суток нам пришлось изображать из себя диких туристов. Невелик труд, а уж возможность отоспаться всласть так вообще была воспринята каждым из нашей троицы с восторгом. В периоды бодрствования я тратил время на планы о будущем и на анализ собственной Характеристики.

Характеристика:

Имя – Магнус Криггс
Раса – хазард
Прогресс – (Долг погашен)
Класс – Шериф
Уровень – 15

Квадры:

Квадра Титана – 23
Квадра Хищника – 26
Квадра Патриарха – 27
Квадра Вожака – 35

Очки развития: 0

Таланты: ~~Ясный взор~~, Чувство агрессии, Плотоядный, Шериф
Особенности: Мастер пересеченной местности, Мастер холодного оружия, Мастер огнестрельного оружия, Мастер скрытного перемещения, Эксперт-ликвидатор, Эксперт по проникновению

Способности: Боевой режим, Поглощение
Недостатки: Нетерпимость законника
Резерв рабочего тела: 83.773 %

Итак, мой мутировавший искусственный организм мог уже похвастаться кондициями, о которых человеку не стоит и мечтать. Физические и ментальные показатели квадр превышали значения простого тренированного смертного уже, наверное, вдвое-втрое. Отдельной строкой, я подметил, глядя на временами ёжащуюся у костра Стеллу, можно было отметить возросшую Адаптивность из квадры Патриарха – для меня температура (а сейчас было нечто похожее на середину весны, если судить по погоде этого почти экваториального климата) теперь постоянно была в комфортных значениях.

Суммируя: я до чертиков быстрый, сильный, ловкий и выносливый, с неплохим соображёметром и дополнительными чувствами, позволяющими определять страх и агрессию живых существ. Уже немало. В помещениях закрытого типа становлюсь еще опаснее за счет умения определять двигающихся существ чем-то вроде эхолокации. Умею незаметно подкрадываться, тихо убивать, определяя уязвимые точки организма. Даже набрал незаметно за время нашего бегства по лесу целого «мастера перемещения по пересеченной местности». Настоящая машина смерти, но только с точки зрения Михаила Басха, являющегося обычным, пусть и немного тренированным человеком.

Ах да, еще могу быстро регенерировать повреждения и устранять усталость, если перекушу еще живым мясом… кого-нибудь.

Это не тот мир, где сверхчеловеческие способности могут дать абсолютное преимущество. Огнестрельное оружие, гранаты, бомбы, артиллерия – всё это способно быстро поставить точку на чересчур много думающем о себе киде. Мало? Есть еще Должники, развившиеся куда сильнее меня, закрывшего свой «Долг» нетривиальным методом, сожравшим огромную кучу очков развития. Некоторые из них вполне способны оторвать мне голову до того, как я вообще пойму, что меня атакуют. А еще маги, колдуны, алхимики, развитые ихорники и, как вишенка на этот торте из испражнений – хреновы драконы, которые меня зачем-то ищут.

А дракон – это не насрал кто-то, а огромная летающая тварь, разумная как тридцать три профессора и набитая личной магией как пиньята конфетками. Боевое противостояние с этой монстрилой нереально в принципе, и сомневаюсь, что когда-нибудь, даже если я задеру все свои квадры до небес, оно, это противостояние, станет возможным.

Напоследок у меня оставались два нерешенных вопроса: развитие и «резерв рабочего тела». С первым все было понятно, требовалось просто… жить. Я немало прочитал фантастических романов в первой жизни, где герои тренировались, напрягались, превозмогали, либо просто шли убивать монстров для того, чтобы вложить очки, полученные за набранный уровень, в какую-либо характеристику, став сильнее. Только вот у меня жизнь, а не игра. Дерьмовая, тяжелая, жестокая, кровавая жизнь, где нужно постоянно быть готовым выложиться на все сто процентов. Кроме того, вместо отдельных характеристик у меня квадры, которые поднимают уровень, только когда все включенные в них характеристики этот уровень получают. Так что целенаправленному развитию – однозначное «нет». Это роскошь, которую я себе не могу позволить.

«Резерв рабочего тела» – подарок мутации. Каким-то образом я могу впитывать смертельно опасный для любого другого организма ихор, что благотворно влияет на восстановление моих былых возможностей, но при этом остается у меня в организме, находясь в некоем переработанном виде. Другой вопрос, что если я преодолею планку в 100 процентов, то скорее всего, ихор начнет во мне накапливаться сверх нормы, что заставит моё тело светиться в глазах любого Должника, на которого я наткнусь. Возможно. А это равносильно если не смерти, то краху каких-либо планов. В лучшем случае. Узнавать, как оно будет, я вовсе не спешу. Совсем не зря Характеристика показывает, что моя раса «хазард» – так называют одних из наиболее опасных ихорных существ, уже получивших разум. Так что если меня с переизбытком ихора в организме увидит слабенький кид, то удерет с воплями ужаса, вереща, что нашёл хазарда. Если сильный – даже крякнуть не успею. Конечно, это лишь допущения и теории, но моё желание восстановить своё идеальное зрение путем охоты на ихорников – равно нулю. И так неплохо, несмотря на невозможность использовать магию по причине микроскопического резерва. Волшебницей у нас работает Стелла. Плохой, очень плохой волшебницей.

В общем, как и всегда, моё развитие будет идти самостоятельно. Да и не так плохо, в общем-то, не выделяться среди смертных.

Аудит материальных ценностей показал удручающие результаты. Не считая моей заскорузлой одежды из местной «джинсы» и парочки походно-боевых одеяний Стеллы, мы могли похвастаться излишком в виде наряда юной шлюшки, использовавшейся для «ловли на живца». Кроме этого малогабаритного обмундирования, полугоблинша имела пистолет, с полсотни патронов, веру в светлое будущее и относительно плохой навык стрельбы. У меня было на один ствол больше, в три раза больше патронов, плюс плохонькая винтовка, обнаружившаяся на седле одной из экспроприированных лошадей. Ну и пригоршня местных тугриков в банкнотах и монетах, намародеренных мной с трупов чрезмерно наглых полицаев.

Я даже пофилософствовал – вот как так вышло, если я, только приехав в Хайкорт и получив должность шерифа, ходил гоголем с пистолетами, сделанными одним из лучших оружейников мира. С бесценным оружием, обладающим дополнительными магическими свойствами. А что сейчас? Брезгливо прячу чуть ли не кустарный ствол назад в чехол, потому как попасть из него без длительной пристрелки – достижение мифического уровня даже с моими врожденными «помощниками» от Системы Должника.

Только и делаю, что теряю.

Через двое суток, как и обещал гоблин со свернутым носом, пришел его товарищ, передавший Крюгеру объёмистый пухлый пакет. В нем находилась мой новый маскировочный наряд, смётанный местными умелицами в рекордно короткие сроки. Шмыгнув носом, я с огромным сожалением расстался со старрхом, положив орочий боевой нож с ножнами на дно своего мешка, а затем принялся одеваться.

Вся одежда была из толстенной прочной кожи, темной, грубой, с зеленоватым отливом, но довольно мягкой подкладкой. Первым делом я натянул штаны с чересчур длинными штанинами. Несмотря на этот недостаток, данный предмет одежды привёл меня в тихий восторг – неимоверно прочные, с укрепленными накладками на колени, с плетеным ременным поясом. Не штаны, а мечта. Следующим были сапоги, надев которые, я понял, что штанины как раз – платформу из склеенных вместе кусков копыт гоблинши забабахали высокую и разлапистую, а голенища доходили мне аж до колен. Сами сапожищи были с высокой шнуровкой, правда,

вся эта метросексуальность скрывалась под штанинами, закрывающими ногу до упора. Обычная белая рубаха, жилетка из той же кожи, снабженная как карманами, так и парой наспинных ременных крепежей для чего-нибудь полезного, ну и под венец всего длинный тяжелый плащ, дополненный капюшоном. С накладками на плечи, визуально нехило так меня расширяющими. Под конец? Нет. Венцом всего этого кожного одеждостроения стала шляпа, слегка напоминающая формой те, что носили австралийские бушмены в моем мире и… намордник. Точнее полумаска с тщательно обметанными суровой нитью дыхательными прорезями.

И когда я это всё напялил…

– Ого! – довольно заметил Басх, ходя вокруг меня с видом высокого ценителя моды, – Внушает! И на гнома ты теперь совсем не похож!

– А на кого похож? – злобно прохрипел я, кося враждебным глазом на организатора этого непотребства. Наряд, безусловно, был внешне крут до слёз, проблема была в том, что я находился внутри этой горы толстой кожи, что запросто могла бы переплюнуть по защитным качествам бронежилет. А еще во всей этой тряхомудии было неимоверно душно, жарко и противно! Даже мне!

– Н-на зловещего убийц-цу, – мучительно икнула в конце фразы Стелла, совсем неиллюзорно от меня шарахаясь. Волди согласно мяукнул, но остался сидеть рядом. Видимо, из сочувствия.

– Во! То, что нужно! – еще сильнее разулыбался революционер, – Постой так еще немного, у тебя взгляд всё злее и злее становится. Я почти готов обосраться от страха!

– Тьфу! – выразил я свои чувства, сдирая с лица полумаску. Дышать тут же стало легче. Снятая шляпа позволила ветру овеять потные уши, принося дополнительное блаженство. Про остальное тело думать не хотелось, внутри кожаного гроба была натуральная парилка.

– На первое время пойдет, – деловито добавил Басх, прекращая дурачиться. Его разные глаза сощурились в раздумье, – Давайте выдвигаться. Кастор, нужно, чтобы ты не снимал этот наряд. Всё новое, нужно разносить.

Сделав шаг, я зверски заматерился. Широкие и высокие копытные подошвы были настолько непривычны, что почувствовал себя начинающим акробатом в цирке. Но, с другой стороны, по горячим уверениям Стеллы, которой я доверяю куда больше, чем Басху, меня теперь не отличить от человека. Невысокого, но плотного и относительно широкоплечего. Черт, придётся разнашивать эту мобильную баню. Более того, придётся к ней привыкать. Тренироваться двигаться.

– Ладно, аргументы принял, буду мучиться, – со вздохом признал я, вызывая легкую улыбку у полугоблинши, чтобы тут же её обломать, – Будем вместе страдать, Стелла!

– Это почему?! – тут же возмутилась она, приняв вид встревоженного суслика.

– Потому что лошадей у нас две штуки. Будешь меня нюхать всю дорогу. Кстати, куда направляемся?

– Крейвенхольм, – продолжающий улыбаться Крюгер, заложив руки за спину, наслаждался зрелищем, как я, пыхтя и ругаясь, пытаюсь естественно шагать в этом наряде, – Этот городок мне идеально подойдет для нового начала.

– И что будем делать? – отняв у до сих пор пребывающей в шоке девушки свою старую рубаху, я вытер пропотевшее лицо.

– Захватим в нем власть, конечно же, – с деланным безразличием пожал плечами Михаил Басх, – У меня теперь нет времени на медленную и осторожную раскачку. Нужны люди, связи, ресурсы. Больше всего нужны гонцы. Так что будем рисковать и действовать быстро. Поехали, не будем терять время!

– Фу… М… Кастор, ты уже пахнешь! Кожей и потом! Пусть с тобой Волди едет, а я посижу с мистером Басхом! Можно? Можно?!

– Терпи, терпи. Это еще цветочки…

Глава 3

На подъезде к Крейвенхольму пятеро одетых в одинаковую военную форму людей деловито и с шуточками вешали блондинистую даму пышных форм. Дама, пылая гневом и страхом, брыкалась, мыча сквозь туго примотанную к лицу тряпку, силилась разорвать путы на руках и ногах, судорожно выгибаясь в разные стороны, но её палачей это лишь веселило, а задержки, вызванные тем, что благодаря усилиям дамы её то и дело упускали на траву, воспринимались мужиками даже с легким позитивом. Сама дама была одета в фиолетовое надорванное платье, из-под которого топорщилась кружевами какая-то ночнушка.

Веселье было в самом разгаре, хоть и обещало скоро закончиться – жертву уже подволокли к дереву, на толстой ветке которого болталась петля, и теперь вчетвером хватали за разные части пышного тела, тщась поднять на нужную высоту. Пятый мужик лежал на этой самой ветке, держал в руках петлю, в готовности накинуть её на поднимаемую к нему шею.

– Доброго дня, господа, – спокойным тоном поздоровался с ними Крюгер, едущий на корпус впереди нас, а затем, совершенно не изменившись в голосе, сказал мне через плечо, – Будь добр, убей этих мужчин.

Твою мать!

Выхватить из просторных карманов уже стократно проклятого мной плаща пистолеты, да всадить по пуле в совершенно не ожидавших ничего подобного разумных с расстояния метров в пять-шесть, было сущим пустяком. Куда сложнее было удержать охреневшую от внезапного грохота лошадь, нервические движения которая усугубила заоравшая с перепуга Стелла, вцепившаяся руками мне в бока со всей своей силой юности. Наконец, угомонив женщин и лошадей с помощью мата и поводьев, под возню и стоны слегка придавленной павшим с ветки и вовсю агонизирующим телом одного из вешателей, я зверем посмотрел на невозмутимо наблюдающего за происходящим революционера, из-за спины которого осторожно выглядывал мой питомец.

– Какого черта, уважаемый? – произнес я самыми нецензурными словами из всех, что скопом лезли на язык, а затем грязно выругался, шлепнув госпожу Заграхорн по нервной ляжке за лишние телодвижения и звуки, из-за которых мы чуть не слетели с взбесившейся лошади.

– Я не мог издали определить, кого тут вешают, – обосновал свою кровожадность человек, с кряхтением спрыгивая со своей лошади, – Видишь ли, Кастор, это чрезвычайно важная для нас особа.

– Если её вешали, значит, она уже перестала быть важной особой! – плаксиво, но очень логично заметила полугоблинша, с обидой потирая пострадавшую ляжку.

– Вот да, – встал я на сторону подопечной, бредя вслед за партнером к продолжающей возиться на траве даме.

– Неверно мыслите, товарищи! – бодро заявил Крюгер, заставляя меня изумленно подавиться на вдохе, – Эта дама нам сильно пригодится! Хозяйки борделей, даже бывшие, на дороге не валяются!

Крыть было нечем. Действительно, извлеченная твердой рукой бывшего бандита из кустов дама оказалась слегка потёртой жизнью, но очень привлекательной особой, возбужденно трясущейся от происходящей в её непростой жизни перемен. Наряд, при ближайшем рассмотрении, был в меру роскошен, но лицо мадам выдавало отношение к трудовому классу, далекому от аристократии. Впрочем, когда твердой революционной рукой была извлечена затычка, мешающая спасенной говорить, мы сразу все поняли, причем, включая даже лошадей, что никем иным, как обозначенным Басхом специалистом дама быть не может. И да, мы её нашли не на дороге, а возле, что тяжким грузом правды легло на полные мудрости слова Басха.

Половину её ругани я так и не понял, хотя на дросике, местном аналоге наиболее универсального по планете языка, говорил уже просто отлично.

Ну и, как полагается в таких обстоятельствах, мы тут же потащили спасенную в глубже в кусты. Вместе с лошадями, котами и полугобиншами.

Куда подальше.

Крейвенхольм был близок, трупы стражников, как меня «приятно» удивил идентификацией Крюгер, были уже оформлены, а узнать последние новости и вообще получить оперативную информацию по положению дел в городе мы уже могли из наиболее квалифицированного и обреченного нам помочь, источника. Впрочем, пока Михаил и дама, представившаяся как Эгита Лейк из Крейвенхольма, имели друг друга в мозг, я решил посвятить свободное время самокопанию. Не самый разумный поступок, но только для тех, у кого нет такой проблемы, как «нетерпимость законника». А я, благодаря привязавшему ко мне «классу» шерифа, этим недостатком обладал. …или он мной, довольно часто портя жизнь. Поэтому, когда я душегубил местных служителей закона, вполне могло что-то произойти. Но не произошло.

А почему?

Вот почему. В Характеристике неожиданно обнаружилось, что всё, связанное с классом «шерифа» сменило тон на серый. Еще появился красный мигающий свиток срочного Системного сообщения, который я тут же открыл.

– «Внимание! Носитель класса оказался в ситуации частичного парадокса, противопоставив себя текущей законодательной власти в стране на фундаментальном уровне. Альтернативный законодательный базис, утвержденный главой фракции, к которой примкнул носитель, не разработан. Класс временно недоступен!»

– «Внимание! Запущен отсчет! Если в течение 90 суток с момента старта отчета ситуация частичного парадокса не изменится, а альтернативный законодательный базис не будет утвержден главой фракции, к которой примкнул носитель, класс «шерифа» будет утерян!»

– Этическая сила…, – самовольно прошептали мои губы, пока мозг пытался осознать прочитанное.

Это же… это что? Я могу освободиться? Даже нет, не так… я *уже* свободен, но получил шанс избавиться от этой сраной «нетерпимости», которая то и дело дёргает меня как за поводок? А в перспективе может убить или покалечить? Что-то теряю? Ха! Всего лишь некоторые искусственные навыки и особенности, нужные для расследования преступлений! На кой черт они мне! В задницу их! В задницу «шерифа»! В задницу «нетерпимость законника»! Нужно лишь…

Вот же гадство. Нужно как минимум три месяца пробыть рядом с чрезвычайно хитрожопым человеком, только что мне доказавшим, что пользоваться моими умениями он будет куда решительнее, чем я сам в прошлом!

Скотство. Но приз слишком велик. Что же, придётся работать всерьез. Это ясно уже сейчас, несмотря на то что данное сообщение и пертурбации с классом для меня полный и еще не до конца осознанный сюрприз!

Дамочка по фамилии Лейк, которую к этому времени Крюгер уже убедил, что пускать её под нож после расспросов никто не собирается, принялась делиться как своими горестями, так и местными новостями. Взахлеб.

– Мы в Крейвенхольме, – говорила она, периодически нервно вытирая нос обрывком рукава, – под двумя ходим, под Типпсом и Коллой. Датворт Типпс это наш, типа, губернатор, а Колла, Кракаторн Колла, он главарь бегунков, контрабандистов. Оба суки редкостные, но с Коллой всегда было все ровно, слышите? Бегунки таскали в бордели… ну всё они таскали, понимаете?! Всё! Духи, мази, от детишек, от болячек, винцо возят, шмотки! Мы их обслуживаем бесплатно, ну, команды Коллы, то есть. Это они всё!

– Понятно, бартер и крыша. Не грузи нас, милая, трепись дальше. Только по делу, – подбадривал её массирующий себе глаза Крюгер.

– Я к тому и веду! – чуть повысила голос бордель-маман, но тут же скисла, оценив подходящего в полном боевом «обмундировании» меня, – Людишек Типпса, полицаев да парочку его бумагомарак, мы тоже на себя бесплатно брали, что «Сладкая заря», что «Уют и ласка», что

«Перепелки»! Девок жалко, конечно, самые свежие под всеми этими халявщиками стираются за пару месяцев, а куда деваться? Здесь другой власти и другого закона нет…

– Я тебя сейчас сам повешу, – спокойно предупредив я, присев перед бывшей жертвой на корточки. Та, взвизгнув, быстро отъехала на заду назад, перебирая руками, подышала немного нервно, не сводя взгляда от моей упакованной в зеленовато-темную кожу фигуры, а затем истерично продолжила на повышенных тонах:

– Да я про это и говорю! Я на вопрос отвечаю! Что вам еще нужно?!

– Короче! – рыкнул Крюгер, перехватывая у меня инициативу, – Что в городе и за что тебя вешали?!

– За шею меня вешали!! – заорала женщина, заходясь в истерике, но тут же получила по лицу ладонью от внезапно подскочившей к ней Стеллы. Та, не удовлетворившись этим, навалилась на блондинку, вынуждая её распластаться по земле, а потом от души приложилась еще пару раз ладонями по заплаканной физиономии. Затем, схватив довольно увесистую женщину за грудки, приподняла её, злобно прошипев той прямо в лицо:

– Или ты включишь мозги, старая курва, или вот этот парень (резкий кивок в мою сторону) отрежет тебе ногу! А потом ты её будешь жрать прямо здесь! Сырой! Поняла?!

Эгита Лейк застыла, омертвевшим взглядом уставившись на полугоблиншу. Крюгер решил её частично скопировать, ошарашенно уставившись на меня с поддёргивающимся веком. Вздохнув, я поднял глаза горе. Переключилась сиротка моя генно-ушибленная. В самый неудобный момент. Ну здрасти…

– К Типпсу приехал гость…, – внезапно начала мямлить женщина, не отводя взгляда от взбесившейся Стеллы, – Граф какой-то. На трех кораблях. Народу много! Людишки графа все три городских борделя заняли. А тут Колла приплывает… на неделю раньше. И у него все ко мне идут, понимаете? А у меня забито левыми для бегунков уродами! Везде забито! Люди Коллы матросов графа на ножи подняли! А тех много! У них автоматы!

Так, захлебываясь словами и не отводя взгляда от остервеневшей злобной полугоблинши, бордель-маман и выложила нам расклады.

Губернатор, опальный барон, чем-то насравший в суп одному из герцогов этого славного королевства, в делах города почти не участвовал. Следил за тем, чтобы шёл документооборот и фальшивые насквозь налоговые сборы, которые выплачивал из того, что ему сыпется в карман от бегунков. А туда сыпалось прямо хорошо, поэтому Типпс держал лишь номинальное количество стражей закона, отдавая весь Крейвенхольм на откуп ходящим под Коллой разумным. Те, впрочем, вообще не буянили, так как ценили спокойную гавань в своей неспокойной жизни. Всё было хорошо, ровно до момента, когда к губернатору пожаловал его знатный гость в силах тяжких.

Сил этих с лихвой хватило выгнать отстреливающихся и ругающихся матросов Коллы на пирс, но там контрабандисты сумели как-то отчалить на своих кораблях, умудрившись при этом подпалить паруса на двух из трех посудин графа. Пожары были оперативно затушены, но осадочек, как говорится, остался.

Датворт Типпс оказался между молотом и наковальней. В его поместье сидит взбешенный граф, которого просто нельзя отпустить без срочной сатисфакции в виде голов преступников, но те же самые негодяи – хлеб, масло и красная икра губернатора. Более того, Колла со своими людьми никуда не делся, а дрейфует в прямой видимости у города, посылая своему бывшему другу теплые письма о том, что он сделает с Типпсом и его гостями, когда сюда подойдет еще пара-тройка кораблей местных работников нелегальной торговли. Граф, по тому, что успела услышать краем уха Эгита, перед тем как её вытащили из «Сладкой зари», обещал своему горемычному хозяину все беды мира, если тот не проявит себя за такой беспредел с наилучшей стороны.

Как оказалось, временным компромиссом для Типпса стало повешенье мамочки Лейк. Ну просто потому, что резня началась как раз в её заведении, а сил у барона ни на что серьезное не хватало, даже на собственную защиту – в поместье хозяйничали вооруженные слуги графа.

– Что еще знаешь, говори бегом! – вновь наехала моя юная спутница на свою запуганную жертву. Та принялась бормотать какую-то ерунду, но тут вновь взял инициативу Крюгер. Сухо попросив меня убрать с ценного «языка» взбесившую девушку, он, смерив нас обоих сложным взглядом, присел возле бандерши, начав её тихо успокаивать.

А вот госпожа Заграхорн резко пошла вразнос, причем так, как еще никогда ранее. Я её тащил за руку, а она, бурча себе под нос угрозы в сторону бедной мамочки, внезапно начала лихорадочным голосом предлагать мне оную мамочку добить, когда Крюгер с ней закончит. Повесить, выпустить кишки, снять кожу с лица… В результате и заработала отменную пощечину, едва не уронившую зеленокожую на траву. Рукоприкладство оказало на мою ученицу слегка не то впечатление, что я ожидал. Полугоблинша, тяжело дыша, принялась срывать с себя рубашку, а достигнув успеха, набросилась полуголая на меня, лепеча о том, что она сходит с ума от желания. Сверкая полубезумными от внезапно вспыхнувшей похоти глазами и отчетливо исходя флером агрессии в моем зрении.

– Возьми меня здесь! – почти зарычала девчонка, скользя ноготками по неподатливой коже моего непростого одеяния, – Прямо тут! На траве! Грубо! Ну же! Давай!!

Опасливо оглянувшись и убедившись, что мы отошли от революционера и проститутки на достаточное расстояние, я аккуратно врезал Стелле кулаком в челюсть. Девушка тут же потеряла задор и сознание, обмякая и падая на траву, а я, тяжело вздохнув, пошёл к лошади за веревкой и одеялом. Не хватало еще забот. Теперь придётся её держать в таком состоянии с кляпом в зубах. А что делать, если она, судя по всему, на время лишилась всех своих тормозов, переводя любой импульс в действие? Совсем не хочется проверять, что Стелла может учудить из магии, если её переклинило в такой жесткой форме…

– Следи за ней, – попросил я увязавшегося за нами кота, – Если вдруг выпутается – ори как оглашенный. И драпай от неё, вдруг нашей дурынде жареного кота захочется…

Волди, прижав уши, вскочил на лошадиный круп, усевшись так, чтобы Стелла, если придёт в сознание, не смогла его сразу увидеть. Будет охранять. Хорошо.

К моему облегчению, Крюгер и мадам нашли общий язык и, даже, общие цели. Во всяком случае, к лошадям они подошли чуть ли не рука об руку, о чем-то вполголоса переговариваясь.

Смерив многозначительным взглядом спеленатую Стеллу с торчащим у нее изо рта кляпом, Михаил, мотнув головой, приказал выдвигаться. Мы направились в город.

Хайкорт, в котором я исполнял обязанности шерифа, был мрачным, зловещим городом. Каменные дома, дороги из плитки, сумрак, сменяющийся тьмой, вечный туман. Впечатление он производил очень угнетающее, нервировал. Первое время я никак не мог отрешиться от мысли, что из тумана мне в лицо резко прыгнет какая-нибудь тварь, чтобы оторвать голову, а остальное утащить на завтрак своим детишкам. Светящиеся глаза разумных живых мертвецов, населяющих город, тоже не добавляли здоровья нервам. Крейвенхольм был совсем другим, но умудрялся проецировать ту же тревожную ауру опасного и замкнутого в себе города.

Старый. Грязный. Неухоженный. Город напоминал озлобленного деда-отшельника, в дела которого лучше никому не лезть, чтобы не узнать случайно, на что способен этот неряха, в лохмотьях которого может скрываться много разной опасной дряни, вроде ржавого тонкого ножа, который он засадит тебе в кишки. Увидев Крейвенхольм, я сразу поверил словам местной бордель-маман о том, что тут заправляют бегунки. О фонарях контрабандисты точно не заботились, ну а губернатор, видимо, еще кладущий себе в карман зарплату мэра, не уделял ни малейшего внимания внешнему виду города. Грязь, бродячие животные, подозрительные субъекты навстречу… что может быть лучше для атмосферы? Наверное, еще мерзкий мелкий дождик с туманом, ухудшающий видимость до пары десятков метров.

Отличная дыра для старта чрезвычайно сомнительно предприятия, заключил я, глядя на удовлетворенно улыбающегося Крюгера. Революционер сидел, обняв нахохлившуюся перед ним Эгиту, закутанную с ног до головы в одеяло и нежно упирал ей ствол пистолета в район подмышки. Хороший мужик, правильный. Не оставляет на волю судьбы то, что можно держать за яйца своими собственными руками. Уважаю. Правда, Волди приходится ехать со мной, от чего перед кошачьим носом шикарный выбор между лютым запахом пота, что я источаю, и лошадиной задницей.

Так мы и добрались до старой кузницы, стоявшей чуть ли не на выселках. Привольно раскинувшееся хозяйство за высоким забором вовсю дымило как черным дымом из работающих плавилен, так и еле заметным белым, что поднимался над жилым домом. Кряжистый рыжий мужик, вышедший на стук Эгиты, удивленно матюгнулся, увидев блондинку, но тут же кинулся отпирать, попутно вытирая грязные руки о не менее грязный кожаный фартук. Та, едва только массивные решетчатые ворота раскрылись, тут же пала мужику на грудь, начав обильно орошать её слезами, а уши бедолаги – невнятными жалобами.

Правда, хозяину резко стало не до них, когда мы вместе с лошадьми оперативно протиснулись вслед за Эгитой на подворье. Скорее всего, рыжего смутил пистолет в руке Крюгера, хотя мой наряд, оставлявший напоказ лишь глаза, да и бессознательное тело связанной Стеллы, лежащей поперек крупа лошади, тоже могли его слегка напрячь.

– Какого ;%;:»* тут происходит?! – спросил хриплым матом рыжий, тщетно пытаясь оторвать от себя служительницу продажной любви.

– Идём в дом, хозяин, – глухо сквозь полумаску проговорил я, снимая свою зеленокожую подругу с лошади и перекидывая сверток через плечо, – Мы не причиним тебе зла и разора… если будешь вести себя тихо.

– Госпожа Траунбрауз привела нас к тебе, – добавил Крюгер, демонстративно суя пистолет в карман, – Сказала, что ты надежный. Так ты тихий и надежный или громкий, но мертвый?

Дипломатия увенчалась ошеломительным успехом, причем, взявший себя в руки кузнец нас шустро провёл не в сам дом, а в отдаленно расположенное здание, оказавшееся чем-то вроде его личной берлоги, гаража и летней кухни вперемешку. Пузатые аппараты со змеевиками здесь трудились в немалом количестве, производя самогон, но тем не менее, места на четверых было в избытке. Эгита жалобно попросилась помыться, на что представившийся нам как Йоганн Трутвар кузнец обрадовал женщину тем, что баня готова, а Михаил Басх огорчил обоих, заявив, что составит блондинке компанию. В ходе краткой, но эмоциональной перепалки оказалось, что Эгита с Йоганном настолько старые любовники, что несмотря на наличие жены и четверых детей, бордель-маман изволит проживать именно здесь в своей отдельной комнате. Уверив рыжего ревнивца, что сношать его подругу дней суровых в планах у революционера не имеется, Крюгер уволок слабо сопротивляющуюся мадам в баню.

– В общем так, – проговорил я, подходя к растерянному мужику, – Мы её вынули из петли…

С мужчинами всегда проще. Их частенько совсем не нужно бить, угрожать или травить помешанными полуоблиншами. Мы просто быстрее и четче умеем формировать оперативные приоритеты. Так и господин Трутвар понял, что его давняя любовь в нефигуральной жопе и с крайне неясными перспективами в жизни еще до того, как это поняла сама спасенная. А еще он быстро усёк, что единственные, кто может на эту ситуацию повлиять – это мы. Или, как минимум, уйти из его дома, не добавив полезному члену общества дополнительных проблем, что тоже будет хорошо. Нужно лишь правильно себя вести.

– Нам нужно пожрать, помыться, поговорить в тишине и покое, – объяснял я ему нужды партии, – Еще хорошо бы сильное успокоительное найти, у меня подруга… нездорова. Есть такое?

– У меня нет, – вздыхал смирившийся с происходящим кузнец, – Есть у Эгитки. Много, разного. Я пошлю Хеска, моего третьего, его девки знают. Принесет.

– Только без шуток, Йоганн, – я проникновенно заглянул в глаза кузнецу, – И сыну скажи, чтобы языком не трепал. Просто взял и назад.

Помявшись, он кивнул.

Посмотрев на Волди, украдкой лакающего протекающий у одного из самогонных аппаратов первач, я закатил глаза и рухнул на лежанку. Лечить бело-рыжего шерстяного балбеса с бодуна не буду. Впрочем, ему явно нужно было забыться после поездки рядом со мной, а мне дождаться, пока освободят баню.

Через три часа, после того как все помылись и поели, включая не желавшую ни есть, ни принимать «лекарство» Стеллу, настроение коренных жителей Крейвенхольма сменило полярность на противоположную. Крюгер объяснил кузнецу и его любовнице, что их спокойная жизнь окончена.

– Если все так, как вы говорите, то конец либо Колле, либо Типпсу, – под мерное сопение Стеллы объяснял слушателям Басх, – Пока все в шатком равновесии. Поножовщина в борделе, перестрелка, повешенье Эгиты – это мелочи, бытовушка. Но если ваш дорогой Колла *нападёт* на людей графа, то это уже будет бунт. Сюда пришлют войска. Бегунки уйдут – городу конец, сами понимаете. Вы тут все их обслуживаете, как я понял. Типпсу тоже конец, с него спросят за бунт, но вам от этого будет легче? Нет.

– И как всё вернуть назад? Что делать? – жадно спросила нагнувшаяся вперед Эгита. Я смерил её взглядом. Сейчас, вымывшаяся, переодевшаяся и успокоившаяся женщина выглядела лет на тридцать. Да, излишне пышные на мой вкус формы, килограмм, эдак, на тридцать выше нормы, но по сравнению с мелькнувшей мимо нас женой кузнеца, неприметной серой мышью, просто секс-бомба. Кроме того, блондинка немало настращала рыжего, намекнув о проблемах в синергии их бизнесов, чем сильно меня озадачила. Ну как могут взаимно друг другу помогать кузня и, блин, бордель?

– Женщина, тебя что, били головой о твердое, пока несли вешать, или ты по жизни такая? – саркастично заметил Крюгер, ковыряясь в зубах, – Думаешь, из кустов вылез левый проходимец, спас твою жопу, а затем, за пару часов, совершенно никого и ничего не зная, придумал, как всё решить? Сиди тихо и отвечай на вопросы. Тебя, рыжий, это тоже касается.

Вопросов у него было много, причем большая часть никоим образом не трогали ни губернатора, ни Коллу. Михаил расспрашивал людей о местных порядках, о том, как гражданские взаимодействуют с бегунками, кто в авторитете, а на кого кладут при каждом удобном случае. Эгита, изначально жестко тупившая с ответами, в один момент цапнула притащенный рыжим сынишкой кузнеца ридикюль, в котором были её запасы дури, занюхала оттуда порошок розоватого цвета, расчихалась, игнорируя насупившегося партнера-любовника, а потом неожиданно начала довольно внятно отвечать. Мне захотелось сплюнуть, правда, маска помешала. Терпеть не могу торчков и алкоголиков.

– А теперь расскажите мне, что у вашего местного пахана есть такого, что он всерьез угрожает аристократу, – мягко попросил наших певчих пташек Крюгер, – Очень уж мне интересно…

У Кракаторна Коллы был военный корабль. Деревянный, да, как и суда этого безымянного графа, но куда шире, массивнее и мощнее, чем нужно скромному контрабандисту. Скромным Колла не был. Его команда насчитывала порядка 350-ти членов экипажа, каждый из которых был тем еще головорезом. Этот бравый «хозяин» Крейвенхольма возил в Эсхат, точнее в Лазантру, очень дорогую и очень запрещенную дрянь. Наркотики, естественно, но не только. Алхимия, книги, яды, редкие травы. Всё, что весит мало, а стоит запредельно дорого. Его «Золотая змея» была тяжеловооруженным судном, не боящимся подавляющего большинства конкурентов, способных настичь его в море. Репутация и эксклюзивность контрабандиста были столь высоки, что каких-либо акций в его отношении местные никогда не предпринимали.

Но граф? Это уже перебор. Колла зарвался, начав слать угрозы гонцами прямиком в резиденцию губернатора.

Выслушав кузнеца и проститутку, Крюгер отпустил их спать домой, предупредив еще раз, чтобы не шалили. Те, впрочем, об этом даже не задумывались, целиком поглощенные воз-

можными проблемами, что уже обрушились на их головы. Или обрушатся вскоре, если брать в расчет грядущие сложности у города.

– Есть идеи? – ради проформы спросил я задумчиво молчащего напарника, смотрящего в окно. Сам же в это время аккуратно перекатывал тихо хихикающую Стеллу на её ночное спальное место. Туда же, под бок к одурманенной полугоблинше, я сунул нажравшегося вусмерть кота, пребывавшего в глубоком отрубе.

– Идеи? Они есть, – оторвавшись от своих мыслей, решительно кивнул Михаил, – Первым делом мы поговорим с губернатором. Нанесем ему тихий визит. Не сегодня, завтра. Ночью. И если всё пойдет так, как я предполагаю…

– То что? – повелся я на интригующую паузу.

Взгляд революционера уперся в меня, став предельно серьезным.

– Скажи, Кастор…, – тихо протянул Басх, – Ты сможешь потопить «Золотую змею»?

Глава 4

– Прошу прощения, господин барон, – сказал я толстому хрипящему мужику, капающему слюной на мою руку, нежно сжимающую этому полуэльфу горло, – Обычно ждут, пока разумный уснёт, а потом делают то, что я с вами, но у нас не так много времени. Будьте добры успокоиться.

Пришпиленный мной к стене аристократ был очень далек от того, чтобы успокоиться. Чуть ранее он спокойно зашёл к себе в спальню, бурча ругательства под нос, самостоятельно (несмотря на свои пухлые габариты) разделся, отлил в извлеченную из-под кровати ёмкость, высморкался… в общем, сделал всё, что обычно делает вдумчивый человек перед тем, как дать храпака. И вот его прерывают перед настолько важным занятием, хватая за горло и впечатывая в стену. А теперь вот, еще и нож достали, от чего сразу все хрипы смолкают, а тело начинает бить нервическая дрожь.

Нож был хорош. У меня их было два, купленных на все деньги и не отходя от кассы у того же Йоганна. Хоть один плюс города, где сомнительные личности на каждом углу. Длинные узкие клинки сантиметров по 40 были довольно тяжелыми, хоть рубить ими всё равно было нельзя. Разве что резать после хорошей заточки. Зато сталь, пущенная Трутваром на эти два свинокола была отличного качества. Я мог бы спокойно влезть по стене, втыкая этих красавцев в щели между кирпичей или бревен. На этот раз не понадобилось, так как камни, из которых губернатору выстроили этот особняк, предоставляли вполне удобные щели, но какие мои годы?

Сейчас было важно одно – длинный и зловещий нож, демонстрируемый мной губернатору, заставил его тотчас закрыть мокрый рот, задрожать губами и сделать очень внимательный вид. То, что нужно.

– Господин барон, – слово взял выступивший из-за моей спины Крюгер, улыбающийся так, как будто успел уже обрюхатить всех девок в поместье, – Мы просто желаем с вами поговорить. Возможно, сможем друг другу помочь? Но разговор должен пройти втайне от ваших громких и беспардонных гостей, не так ли?

Датворт Типпс по рассказам кузнеца и бордельерши был человеком жадным, мелочным, изрядно трусливым и мнительным. Только вот они, в силу своего происхождения, судили лишь по известной им планке. Барон, даже такой пригревшийся на кормном месте жирдяй, остается бароном. Толстяк умерил дрожь, остро кольнул взглядом через моё плечо, а затем коротко и решительно кивнул. Я сразу же выпустил его на свободу… не отводя далеко нож. На всякий случай.

А затем вскоре и вовсе отошёл к окну, чтобы не мешать беседе двух весьма хитрожопых личностей.

Мы в поместье были уже довольно долго. Причиной столь раннему вторжению было поведение людей графа Клагстона, приходивших на ночное дежурство сюда, к Типпсу. Днём почти все вояки гостя сидели на его кораблях, выглядывая, не приближаются ли к берегу оборзевшие контрабандисты, а вот ночью Дориан Клагстон предпочитал перестраховаться, разбавив и так нервничающую стражу города, вынужденную охранять Типпса и его, своими людьми.

Михаил, нужно отдать ему должное, развёл губернатора на откровенный разговор буквально за пять минут. Причиной этому было не только обаяние моего партнера, как и то, что Датворт Типпс находится в очень глубокой заднице, а время было эдакой ручкой от швабры, пропихивающей продажного бедолагу всё глубже и глубже.

Истоки поножовщины в борделе, как оказалось, были совсем другого плана, нежели просто конфликт матросов, не поделивших шлюх. Граф прибыл сюда вовсе не выпить чаю с губернатором, а с вполне определенной целью, порученной ему, не много ни мало, как самим Его Величеством Киволом Дейтреном Третьим, королем Эсхата. Миссия была особо важной и особо секретной, что Типпса, как лицо категорически незаинтересованное, совершенно не трогало. Совсем другим делом было то, что для исполнения миссии графу были необходимы координаты гоблинских становищ, располагавшихся возле Крейвенхольма. А их, в этом славном и всеми позабытом краю, было много.

И тут на сцену выступили бегунки во главе с Кракаторном Коллой.

– Три четверти бегунков – полугоблины! – выплюнул барон-губернатор, закончив жадно пить из стеклянного кувшина. Слегка подрагивающими руками он залез в тумбочку, добыв оттуда грубую картонную коробку, набитую тонкими сигарами, прикурил, закрыв глаза, а затем, выдохнув облако густого, почему-то терпко пахнущего дыма, продолжил, – Вы явно не домашние мальчики, особенно этот, в коже, но уточню – полугоблины обожают своих мамаш! Это их хреновая расовая особенность! У Коллы очень крепкие связи как минимум с дюжиной становищ, а все его подчиненные – зеленошкурые ублюдки, вышедшие как раз из этих становищ, понимаете?!

– Понимаем, – тут же среагировал Крюгер, с невозмутимым видом грабя барона на две сигары, одну из которых он перекинул мне, – Вы ни в чем не можете пойти против нашего веселого полугоблина, но не можете пойти и против короля, так?

– Ни хера лысого ты не понимаешь, разноглазый, – раздраженно выдохнул барон, – Думаешь, почему Клагстон так бесится? Да потому что весь город не пойдет против Коллы. *Его воякам… Никто. Ничего. Не. Сказал*. Я вожу его светлость за нос, обещая восстановить радио-

связь, но терпение этого упыря уже на исходе. Если Колла не нападёт, то через день-два граф отчалит, прихватив меня с собой в Эсхат. А сюда придут войска и новый губернатор. Меня будет ждать плаха. Если же Колла явится, и даже перебьет всех, кто пришёл с Клагстоном, мне все равно конец!

– А радиосвязь сложно починить? – получив быстрый ответ губернатора, что это дело получаса, Крюгер ударился в раздумья. Забивая спальню нашего собеседника дымом, он походил туда-сюда, а затем, что-то для себя решив, вновь приблизился к Типпсу, жестко, но тихо спросив, – Что привёз с собой Клагстон, господин барон?

– Не знаю! Мне не говорили, – тут же быстро попытался съехать с темы Датворт.

– Но догадываетесь, – бледно улыбнулся мой напарник, – Мы здесь уже давно. Мой товарищ успел кое-что послушать из вашей… перепалки за ужином. На кораблях есть нечто… опасное. Нечто, что хотят натравить на гоблинов. Испытать. Что это?!

– Н-не знаю! – куда громче и отчаяннее зашипел барон, тряся обожженной об окурок сигары рукой, – Он не говорил прямо!

– А документы показывал? – невинно улыбнулся Михаил, подходя еще ближе, – Хоть что-то, доказывающее, что граф прибыл от имени короля Кивола?

– Нет, конечно! – запыхтел возмущенно толстый полуэльф, пытаясь выщепить толстыми пострадавшими пальцами еще один коричневый столбик из коробки, – Какие могут быть документы у тайной миссии?!!

– Паршиво, ваше благородие, очень паршиво, – вздохнул Крюгер, помогая барону добыть отраву, – Видите ли, ваш Крейвенхольм – та еще никому не важная дыра. И вот, неожиданно, целый граф, с флотилией, да еще так нагло…

– Да мне плевать, кто он и откуда! – тихо и обреченно взвыл барон, – Мне даже плевать на то, кто вы и откуда взялись! Я просто хочу выбраться из этого дерьма!!

– А выбраться вам может помочь только голова Кракаторна Коллы на блюде, которое вы презентуете графу, – жестко улыбнулся Крюгер, нагибаясь так, чтобы быть с толстым полуэльфом нос к носу, – Без главаря и его военного судна контрабандисты сначала брызнут отсюда как перепуганные мыши, а затем, месяца через полтора, начнут осторожно возвращаться. А потом еще долго будут выбирать себе нового лидера… если он им вообще нужен. Вы получите возможность передать своему дорогому гостю координаты пары становищ так, чтобы вас не заподозрили, тот проделает свои делишки и… дальше все живут долго и счастливо. Как вам?

– Как вы… плевать!!! – почти взвизгнул полуэльф, пытаясь схватить короткими ручками Крюгера за что-нибудь, – Что вы за это хотите?! Что?!! Что??!

– О, я уверен, мы с вами договоримся, – ухмыльнулся Басх, а я с тоской понял, что каким-то образом он это всё изначально если и не знал, то предположил с удивительной точностью.

Незаметно уйти было легче легкого – хозяин поместья с готовностью открыл секретный проход, по которому, спустившись по лестнице ниже уровня земли, мы без всяких проблем

выбрались наружу через фальшивый канализационный люк в роскошных кустах, а затем вернулись в гостеприимный дом рыжего кузнеца, где нас ждали нервничающая сладкая парочка из Траунбрауз и Трутвара. И мычащая от не самых приятных ощущений отходняка Стелла, которую по моей просьбе заранее связали. Пусть уж лучше помучается, чем подсядет на регулярно скармливаемую ей наркоту. Про кота и говорить не стоило. Волди было настолько плохо, что признаки жизни он подавал лишь слабым прерывистым дыханием. Однако, запах пива, налитого в блюдце, оживил бедолагу. Крюгер, наблюдавший за опохмелением кота, был задумчив и тих.

– Как ты понял, что Коллу придётся мочить? – задал я давно зудящий на языке вопрос.

– Довольно просто, друг мой Кастор, – беззаботно развалившийся на кушетке Басх зевнул, почесывая внешние стороны предплечий, – Нужно лишь немного опыта. Здесь уравнение из трех постоянных – губернатор, главный бегунок и неожиданный влиятельный гость с миниатюрной армией. Чтобы восстановить мирный сон этого городка, кого-то нужно убить. Губернатора нельзя, он слишком удобен, графа тоже, так как поднимется шум, что остаётся? Контрабандисты.

– И гоблины, – мрачно добавил я, – Вряд ли этот Клагстон что-то хорошее задумывает.

– Не наши проблемы, – жестко отрезал Михаил, – Если ты хочешь, чтобы я начал разыскивать нужные тебе сведения, будь добр помочь мне организовать место, откуда я смогу это делать. Нужно восстановить связи, вскрыть тайники, доставить сюда грузы и запасную казну. Организовать, ядрена мать, организацию. Это всё могу я. А ты можешь сделать так, чтобы «Золотая змея» ушла в историю вместе с Коллой. Только башку принеси. И… что вообще с твоим животным, Дрейк? Я впервые вижу кота, который жестами просит добавки!

Просто отлично. Миссия «иди и убей». То есть «плыви и устрой резню». Плюс подпункт «вернись назад с головой прекрасного принца». Не самое худшее в моей жизни, потому как план ясен, хоть и труден в исполнении… если не брать в расчет, что я изрядно устал от крови. Хоть и привык к ней. Ладно, будем играть с тем раскладом, что есть на руках, тем более что я пойду на почти на всё, чтобы снять с себя поводок «нетерпимости законника». Хорошо хоть сейчас не приходится объяснять Крюгеру, что я могу в любой момент сорваться, если увижу, как один из его подчиненных творит что-нибудь противозаконное…

– Ладно, я пошёл за нужной тебе башкой, – решил я свалить подобру-поздорову, пока мысли не завели куда-нибудь не туда.

– Погоди, друг мой…, – сел на кровати Михаил Басх, указывая на ворочающуюся и сопящую Стеллу, – Кажется, ты мне должен кое-что рассказать. Вдобавок к тому, что уже поведала Эгита. Она, видишь ли, полюбопытствовала, о чем ей может поведать связанная девчонка…

…гадство.

Интерлюдия

Человек сидел в кабинете один. Он расположился отнюдь не за столом этого уютного и обжитого помещения, а на диване, где обычно располагались собеседники, гости, слуги… те, кого сюда вызывали. Сидел, уронив голову на руки. Молчал.

Это был не его кабинет. К местному хозяину он пришёл как проситель, как страждущий, как хватающийся за соломинку. Он нагрянул не внезапно, условия сделки были озвучены довольно давно… теперь она претворялась в реальность. Ему оставалось лишь сидеть, ждать и прощаться с былой жизнью. Тому, что от неё осталось.

Не так давно он был не только известной, но и очень влиятельной фигурой на геополитической карте если уж не мира, то пары континентов точно. Лидером, организатором, ученым. Тем, кто изобрел множество способов обогатить его бедную нацию, живущую на лишенных полезных ресурсов островах. Ему верили, за ним шли. Тысячи воинов были готовы выполнить любой его приказ. Десятки кораблей были готовы отправиться в любое море, найти любую добычу, одолеть её и привезти домой в трюмах. Он был знаменем этих воинов моря, тех, кто десятки лет неустанно трудился, добывая прокорм для остальных, ждущих своих добытчиков на островах.

Затем, опять же, совсем недавно, случилось это. Их подзащитные, разжиревшие на том, что доставалось совершенно бесплатно, решили напомнить своим кормильцам, что те – всего лишь воины. Солдаты, лишь выполняющие свой долг перед ними, аристократами, просвещенными и незапятнанными. Мало? Отнюдь нет, по мнению этих самых «просвещенных и незапятнанных». Пока весь мир считает спасающих свой народ эльфов ворами, убийцами, грабителями и негодяями, они, эти мудрые и великодушные, согласны считать их воинами! В обмен на преданность и полное подчинение приказам.

Мрази. Именно благодаря политым обильно кровью рукам касдамских пиратов их нация процветает на архипелаге. Именно их дурная слава и расширившееся благодаря ему, Станиславу, влияние, побудили лидеров соседних государств начать заигрывания с Касдамом! Политические игры и заявления, в которых медленно, но неуклонно лидеры бежавшей на острова эльфийской нации отрекались от тех, кто их спасал почти сотню лет! Конечно, им же обещали возврат территорий, независимость, равное отношение… За сладкими речами стояло лишь сильное желание сковырнуть могущественный гнойник пиратской вольницы, чуть ли не пополам режущих доходы от морских перевозок. Стоит ли это пусть внушительного, но пустого клока земли и леса? Еще как стоит.

Хотя, сидящий на диване человек прекрасно понимал, что какими бы лицемерными уродами не были его давние противники, он их всяко переплюнул. Сидя на этом диване, здесь и сейчас, он предавал тех, кто ему доверился. Кто шёл за ним. Кто умирал и убивал для него.

У Станислава Аддамса, известного по прозвищу Алхимик, была одна слабость. Или ценность, тут уж как посудить. Превыше всего потомок Должника ценил собственную семью. Когда его любимой и единственной дочери стала грозить неминуемая смерть, он взял её на борт одного из своих кораблей и поплыл назад, в Касдам. Сдаваться на милость своему главному неприятелю, обещающему лишь шанс на спасение. К тому же – ценой всего. Влияния, амбиций, власти.

Решиться на подобный шаг Станиславу было тяжело. Всё, что он строил всю свою жизнь, доверие преданных лично ему эльфов, свои разработки, ресурсы, даже большая часть счетов…, всё это канет в чужой карман. За долгие дни плавания, он пытался найти лазейку, продумать план, найти козырь, который сможет возродить его из пепла, но… магический импульс,

повествующий о смерти его жены, подкосил Алхимика. Выбил из головы все мысли. Почти уничтожил его.

Почти? Нет. Совсем.

На диване сидело тело с поврежденной личностью, методично избавляющееся от себя-старого. У него, Станислава Аддамса, теперь было лишь две цели – здоровье дочери и месть тому, кто убил его жену. Магнусу Криггсу, иномировой твари, призванной сюда Богом-из-Машины. Злопамятной мерзости, что превратила грозу всех морей, «Нимродель», в бешено пылающий погребальный костер для сильнейшей пиратской команды мира.

Убившего его Саломею.

Он, сидящий здесь и ждущий результатов первой операции Механика над дочерью, не мог убедить себя, что его жена мертва. Слишком часто Саломею звали море и кровь. Они проводили неделю-две вместе, время, когда Алхимик откладывал все свои дела, а затем миниатюрная ведьма исчезала на несколько месяцев. Затем возвращалась, снова исчезала… раз за разом. Он привык жить так, в ожидании, когда она вернется. Работать, сидеть в лаборатории, убивать время до их новой встречи. Убедить себя, что ждать теперь нечего, было… невыносимо тяжело.

Он обожал свою безумную фею. Больше всего на свете.

Сейчас ощущение потери было почти невыносимым, в момент, когда он своим собственным решением, скорее всего, убил еще и собственную дочь.

Старый эльфийский аристократ поставил убитого горем отца перед сложным выбором. Он, этот лысеющий сморщенный ублюдок, научился пересаживать живым существам нечто, что сам назвал «энергетической системой», был беспощаден, но честен. Это нечто, по словам Хартила ил Шаадора, было более чем способно помочь его дорогой Авроре приспособиться к неистовой силе её безграничного внутреннего Источника, медленно убивающего тело и разум девушки.

Но тут был… выбор из тех, кто будет донором.

Старая благородная тварь не скрывала ничего. Слишком важным для судьбы Касдама был выбор Станислава, слишком нужным Хартилу. Механик честно предупредил своего врага, что имплантация «энергетической системы» от высокоразвитого ихорника даст наилучший шанс девушке выжить. Иномировые твари, опасные и смертоносные, великолепно умели приспосабливаться! Но… ил Шаадор предупредил, что даже в случае полнейшего успеха, Аврора станет другой. Хищные импульсы ихорников станут для дочери Алхимика естественным дополнением. Со всеми вытекающими последствиями.

Второй вариант был куда сомнительнее и сложнее. Та же имплантация, но сложнее, труднее, с куда большими рисками. Донором являлся молодой Должник-эльф, попавший не в то место, не в то время, болтавший о том, о чем болтать нельзя. Шансы на успех, и так недостаточно по мнению Станислава большие, были здесь куда ниже. Но зато ил Шаадор предположил, что сознание Авроры, её разум могут стабилизироваться. Но риски…

Жестокий выбор, даже для самого Алхимика. Выбор без выбора. Хартил прекрасно *знал,* что Аврора психически нестабильна с рождения, и он догадывался, что её состояние усугубило проблемы с психикой. Но предложил. Свои обязательства перед Станиславом, озвученные заранее по дальней связи, старик, вечно гнавшийся за своим конкурентом, выполнил предельно точно.

Глава пиратов выбрал Должника. Рассудок его дочери, обремененный повадками ихорника при огромном внутреннем Источнике, превосходящем даже самые смелые мечты архимагов планеты – это был бы воплощенный неконтролируемый кошмар. Живая катастрофа, что могла катком прокатиться по всей планете, бессмысленно разрушая всё вокруг. На такое даже он не мог пойти. Уж лучше смерть. Её и его.

Человек сидел на диване. Прощался с прежней жизнью. Надеялся. Верил. Горевал. Ненавидел. Ждал, пока откроется дверь, ведущая во внутреннюю лабораторию Механика.

Время шло.

Магнус Криггс. Мысли уставшего горевать Станислава наполнила холодная ярость.

Он никогда не относился к Должникам с высокомерием. Да, они дохли десятками. В канавах, в лесах, в подворотнях. Неудачное ограбление, нападение хищника, ослабленный голодом организм или кара от Неверящего Бога. Всякое бывало. Обычные бандиты и воры, напрасно гордящиеся своим иномировым происхождением. Но потенциал… нет, Алхимик их не был склонен недооценивать. Рядом со своим предком, кидом, что выплатил Долг, этот умнейший амбициозный разумный был лишь пускающим слюни дебилом. Поэтому он сразу повесил за голову гнома очень высокую награду.

Правильно, демоны его побери, сделал!

Только вот это не помогло. Хитрый маленький ублюдок не показывался на глаза. Его примечательная внешность не мелькала нигде. Он не грабил деревенщин, не появлялся в городах, не брал заказы, не спасал, не убивал. Кид как будто бы растворился в мире, что было просто невозможно! Нельзя найти ихорников, не контактируя с разумными! Не расспрашивая их, не заходя в селения! А его примета в виде ярких, почти светящихся глаз? Любой деревенский дурачок узнает!

Но все деревенские дурачки, гильдии охотников за головами, наемники и убийцы молчали. Включая и Должников, промышлявших умением находить нужных существ. Магнус Криггс как будто испарился.

…и появился вновь как шериф демонова Незервилля! В самом средоточии тайн гребаной Кендры! А затем искалечил его, Станислава, дочь! Отсек ногу и отгрыз руку, а затем… умер!

Умер, мать вашу! Сдох! Аврора не раз, не два, не десять, в светлой памяти и в горячечном бреду, всё время повторяла, что ублюдочный гном упал прямиком в разверстые кишки древней твари! В самый яд! Мать вашу трижды, в самый яд! Да даже если б он упал в лаву – и то шансы выжить у кида были бы выше! Смог бы выбраться за счет скорости, выносливости, рефлексов, чего-нибудь! Но из озера ихорного яда нет возврата! Никому нет!

…но он выжил. А потом доказал, что Станислав не зря его опасался, вывешивая награды в серебре и золоте, превосходящие вес треклятого гнома. Убил Саломею. Тщательно спланировал покушение, подготовился, поймал его жену в море, запалил корабль, подкараулил её, спасающуюся одноразовым заклинанием, а затем убил! Убил! Убил!

Теперь эта тварь где-то там. Может быть, на другом конце мира, может быть, уже сидит за соседней стеной. Уничтожив его жену *таким* образом, Магнус Криггс дал Станиславу понять, что на одной планете они не уживутся. Саломея ничего не сделала этому киду, в отличие от Авроры, но он смог провернуть эффективную операцию по её ликвидации. Сделать то, что до него не смог ни один король, император, князь или диктатор. К нему, Алхимику, и его дочери, он обязан проявить еще более тщательный подход. Нужно успеть первым… но как? Теперь-то как?

Шипение массивной двери на могучих пневмозапорах моментально вышибло Станислава из горьких пустых мыслей. Сердце кольнула холодная мертвая боль. Слишком рано. Намного раньше, чем обещал Хартил ил Шаадор. Механик был настолько добр, что предлагал как заказать Станиславу сюда обед и ужин, так и посоветовал использовать диван для долгого сна, который «неминуемо принесет пользу». Он обещал, что проведет в лаборатории минимум десять часов.

Прошло всего лишь пять. Значит, неудача.

«Убью его», – внезапно решил для себя Алхимик, вставая с дивана, – «Убью сейчас. Потом приму яд. Надежнее. Быстрее. Не хочу думать. Вообще больше ничего не хочу.»

Только вот его рука не успела даже нырнуть в карман за магически укрепленным стеклянным сосудом, в котором плескалась убийственно сильная кислота. Из раскрывшейся двери личной лаборатории Механика вылетел небольшой круглый предмет, что со стуком упал на ковер кабинета и покатился к замершему Станиславу, остановившись метрах в двух от застывшего лидера пиратов Касдама.

Это была голова Хартила ил Шаадора. Старческая, с редкими растрепанными седыми волосами, с изумленным выражением на лице и неопрятной кровавой бахромой, торчащей из шеи. Она была еще жива. Глаза сфокусировались на Алхимике, пару раз судорожно моргнули, а затем… черты лица начали стремительно расслабляться. Взгляд головы давнего врага потух и остекленел, поджатые губы расслабились, веки чуть опустились.

Он не сразу понял, что произошло. Так и смотрел тупо на оторванную голову, пока не услышал медленные шаги.

Она неспешно вышла на центр кабинета, голая, как в первый день своего рождения. Очень худая, высокая, с обритой по настоянию Механика головой. Дорогие протезы, которыми он снабдил свою дочь, двигались, как будто родные члены организма, из-за чего Аврора не хромала, как раньше. Да и вот так поднять протезированную руку, так шевелить своими искусственными пальцами она раньше не могла. Не она, протез не также не был способен на столь плавные и точные движения, несмотря на свою цену. Станислав зачарованно смотрел на искусственную руку дочери, а та невозмутимо играла пальцами, не отводя от них взгляда. Это продлилось всего несколько тягостных секунд.

– Отец…, – сухой шелест голоса смотрящей теперь на него дочери вернул Станислава к реальности.

– Ав-аврора? – хрипло произнес мужчина, недоверчиво смотря в глаза родного ребенка. Спокойное, слегка меланхоличное выражение лица, уверенный взгляд, плавные точные движения. Всё это было чрезвычайно нехарактерно для Авроры Аддамс, печально известной миру под обидной кличкой «Суматоха». Но он не насторожился. На это уже не было сил у того, кто простился с статусом, женой, дочерью, а несколько минут назад и с жизнью. У Алхимика просто не осталось сил.

– Да, отец, – ровно произнесла обнаженная девушка, делая еще пару шагов вперед. Её босая нога ткнула голову Хартила ил Шаадора, что заставило девушку на мгновение посмотреть под ноги. Не меняя выражения лица, Аврора подняла протезированную ногу, а затем резко опустила на голову старого врага своей семьи. Влажно чавкнуло, брызнуло во все стороны. Девушка вновь посмотрела на пораженного и опустошенного отца, а затем внезапно сказала, – Пойдем отсюда, у нас есть дела.

– К-какие? – промямлил Алхимик, понятия не имея, как на всё это реагировать.

– Нужно взять Касдам под контроль, – с легким вздохом монотонно пробормотала его дочь, вновь начав разглядывать свой протез, – Твой контроль. Нам нужны его ресурсы, отец. Если мы хотим отыскать убийцу мамы. Я хочу. А ты?

– Да! – вырвалось из груди потомка кида, – Но… Аврора, милая, мы не сможем! Нам нужно срочно бежать! Какой Касдам?! Нас тут двое! Мои воины далеко, в двух… в трех неделях плаванья!

– Меня будет достаточно, отец, – мерно проговорила Аврора Аддамс, зажигая на каждом пальце искусственной руки по язычку черного пламени, – Я тебе помогу. Не волнуйся. Просто говори, кого считаешь лишними. И показывай, если знаешь, где они живут.

Глава 5

В своей той, первой жизни, я был простым бухгалтером. Обычным гражданином, что встает по звонку будильника, отливает накопившееся за ночь, споласкивает лицо, чистит зубы, надевает костюм и идёт на работу пять дней в неделю. Жизнь была пронзительно прозаичной и единственное, что как-то выбивало меня из большинства серой массы – одиночество. Хотя я частенько про себя шутил, что женат на Тишине. Если подумать, то она идеальная подруга: не мешает, не отвлекает, согласна на любой ужин, всегда готова ждать тебя сколько угодно, ничего не просит взамен и, самое главное – позволяет жить своей жизнью. Хотя бы два дня в неделю.

Печальные серые будни, которые я в своей новой жизни находил захватывающими, уютными и бесконечно родными. Особенно сейчас, гребя в чем бог создал (с маленьким водонепроницаемым мешком за спиной) в сторону едва виднеющейся на горизонте точки корабля под лихим названием «Золотая змея». Серый безобидный бухгалтер, проживший свою жизнь тихо и незаметно, умерший в спазмах от раковых метастаз, теперь собирался уничтожить несколько сотен головорезов. Ради чего?

Да новостей мне хочется.

А самое интересное, что я довольно высоко оцениваю свои шансы на успех. В основном потому, что здесь удивительно много жирной рыбы, шастающей крупными косяками. Эту самую рыбешку я время от времени ловлю, пока плыву, быстро обдирая с помощью зубов с неё мясо. Силы мне эти перекусы восстанавливают хуже, чем живая плоть млекопитающих, но с избытком, учитывая, что нужно сбросить усталость, а не выращивать себе новую ногу.

Остальные корабли бегунков болтались в прямой видимости, но на солидном расстоянии от вальяжно покачивающейся на волнах «Золотой змеи». Паруса корабля были спущены, никто не глазел по сторонам с фальшбортов, но я всё равно подстраховался, проплыв последнюю сотню метров до днища судна в нескольких метрах от поверхности. Вынырнув у носа, воткнул ножи между буграми налипших ракушек, дав себе перевести дыхание. А потом поплыл к корме. Иллюминаторы во всех каютах были нараспашку, даря обитателям греющегося в лучах заходящего солнца корабля свежесть и прохладу. Удобно.

О Колле я знал немногое, времени было мало, но хватало одной детали – в молодости юный и горячий полугоблин как-то раз, в подпитии, решил подчеркнуть свою уникальность и продемонстрировать завсегдатаям одного бара свои зеленые железные яйца. Резанув себя по лицу шесть раз, по три под каждым глазом, Кракаторн убрал тряпкой, замоченной в алкоголе, лишнюю кровь, а затем втёр себе в раны порох, который тут же поджёг. Характерные черные следы на коже остались с ним на всю жизнь, а злая молва, хорошо запомнившая, как этот отморозок отжигал потом, расправляясь с насмешниками, подобрела, создав легенду о придурке, которого собственная дурь вывела в умники.

Одно было ясно точно – эту голову я ни с кем не перепутаю.

Медленно и аккуратно поднявшись с помощью ножей к кормовой пристройке, я краем глаза заглянул в капитанскую каюту.

Полугоблин сидел в своей каюте самым мирным образом за своим столом, зарывшись с головой в какую-то документацию. Мой взгляд поцарапал ему спину, прошелся по роскошному помещению, набитому просто неимоверным количеством дорого выглядящей рухляди и навешанного на стены оружия, погладил опущенный массивный засов на двери, толсто намекающий, что капитан не ждёт гостей, а затем оценил огромную кровать. С балдахином. Тщеславный тип этот наш Кракаторн Колла…

В отличие от меня, висящего снаружи иллюминатора и чувствующего себя форменным, можно сказать элитным… но дебилом. Было очень стыдно, так как я не находил ответа на вопрос: зачем искать на деревянном судне пороховой погреб (подрыв которого меня может дичайшим образом оглушить, когда буду спасаться от взрыва в воде), когда можно просто поджечь этот хренов корабль?

Насмотрелся, идиот, приключенческих фильмов. Тебе б еще взрывающийся вертолет, да? Висишь и прикидываешь, как воткнешь полугоблину нож в ухо, а затем, чтобы не оставлять пятен крови, будешь отпиливать ему башку, вывесив тело за борт и пафосно держа за волосы. А потом снова вылезешь через окно и будешь навроде ниндзи ползать по внешней обшивке, ища подход к погребу, да? Тьфу на тебя, романтик хренов!

Легендарный главарь бегунков и угрожатель графам даже пискнуть не успел, когда я, банально выпрыгнув из иллюминатора, банально воткнул ему нож в шею, тут же с оттягом взрезая её к кадыку и дальше. Худое жилистое тело с полуотрезанной головой резко дёрнулось, выгибаясь и орошая груду бумаг на столе кровью, от чего и получило в ухо кулаком. Удар помог оперативно отдающему концы авторитету свалиться на пол и не портить мне материал для поджога. Почти труп глухо брякнулся на дерево, дрожа ногой и судорожно шкрябая пальцами воздух.

Чувства? Какие чувства? Я зол на себя, а еще стыдно.

– Крааа….? – внезапно раздалось сонное и женское из-под балдахина.

Мысленно взвыв от досады и проклиная все и каждый навязанный кинематографом стереотип, я молча метнулся на кровать в прыжке. Сонно протирающая лицо эльфийка, похоже, что чистокровная, успела лишь в шоке распахнуть глаза, увидев незнакомца. Я ударил её тем же ножом. Первый тычок в горло, второй, через долю секунды, когда я уже навис над девушкой, под подбородок, в мозг. Моментальная смерть. И один частично забрызганный кровью голый гном.

– Ненавижу стереотипы…, – опустошенно пробормотал я, с сожалением глядя на убитую мной девчонку. Красота, молодость, роскошные формы… и такая смерть. А совести не объяснишь, что так намного лучше и быстрее, чем на горящем или взрывающемся корабле. Совесть видит остекленевшие по твоей вине глаза, толчками бьющую из вспоротой шеи кровь, длинные волосы темного-русого цвета, юное тело, которому бы еще жить и жить. Гадство.

Ну и где моя красивая история, в которой суждено потрошить если уж не полных мразей, то хотя бы вооруженных военных? Нет её. Есть лишь страшная сказка, впопыхах придуманная цель, случайный шанс, кровь, кишки, лихорадочная поспешность и трупы.

Предаваться унынию времени не было. Соберись!

Стол. Бумаги. Хорошо! Раскидываю их кучками по углам каюты, безжалостно сминая в процессе. Коврики? Да. Скатать в не тугой рулон, поставить над бумагой. Полыхнут покруче. Кровать? Вспороть! Перья! Подушки? Перья! Раскидать! Что еще? Полка с закрепленными на ней книгами. Их немного, всего с десяток. Присовокупить поспешно выдираемые страницы ко всему горючему материалу!

На всё про всё ушло минуты четыре. На столе уже стояла масляная горящая лампа, содранная мной со стены, а я, отпилив нужную мне голову и спрятав её в мешок, выдохнул, оценивая помещение. Так, вроде выполнил всё…

Взгляд как-то сам зацепился за висящий на крюках возле кровати клинок. В отличие от начищенного блестящего оружия в виде секир, топоров, глеф, висящих у покойного Коллы на стенах, эта штука выделялась своей заскорузлостью. Потертая кожа, темный небликующий металл широкого клинка, неприлично длинная рукоять. Рубило сильно напоминало слегка облагороженное мачете с рукоятью такой длины, что мне бы её конец выходил за локоть, держи я эту штуку наотмашь.

Не выдержав, я присмотрелся как к «личному» предмету. И был вознагражден.

*«**Абордажная сабля**»*
Тип – оружие
Статус – личная вещь
Владелец – отсутствует
Личные свойства: Целостность, Сильное укрепление, Острота
Добавленные свойства: отсутствуют

Надо брать!

Но как? Голова Коллы сама по себе весит изрядно, а мне еще плыть и плыть… хотя, полтора килограмма, да так распределенные по телу, если примотать их веревкой, погоды не сделают.

Вместе веревки я содрал с трупа контрабандиста ремень, которым и примотал саблю к спине. Хотел было уже поджигать, как обнаружил висящий у запертого входа в каюту странный жилет-безрукавку, демонстрирующий подозрительную толщину. Сняв с крючка, убедился, что штука чрезвычайно легкая и объемистая, а значит, ничем иным, как спасательным жилетом являться не может. Что же, отправлюсь назад с комфортом.

Спустя минуту я уже был в воде, а разлитое горящее масло из лампы принялось за своё дело. Спустя три минуты активной работы руками и ногами я услышал тревожные вопли матросов, а обернувшись, увидел «Золотую змею», из кормовых иллюминаторов которое вовсю рвалось разгулявшееся пламя. Вот что значит обеспечить несколько зон возгорания…

Взрыв крюйт-камеры раздался через десять с копейками минут.

Вообще, уничтожать корабль и вырезать экипаж нужды никакой не было, просто Крюгер не хотел рисковать, подозревая, что у Коллы на судне вполне может быть заместитель, способный оперативно перехватить бразды управления. Вполне может быть, только попробуй теперь что-нибудь перехвати, если главный козырь крейвенхольмских бегунков догорает, медленно погружаясь в воду, а выжившие, к которым спешат три маячивших вдалеке корабля, моментально разнесут новости среди всех контрабандистов разом.

Всадив нож в голову хищной рыбы, решившей украсть у меня мешок с головой полугоблина, я поплыл назад, в город. В мозгах царила лишь вина за эльфийку и злоба на стереотипы, впитавшиеся с просмотром боевиков, в которых режиссеры за долю зрелищности радостно жертвовали здравым смыслом.

Спустя девять часов мы с Крюгером сидели на лавочке под раскидистым деревом, наблюдая, как взъерошенные и нервничающие стражники Крейвенхольма конвоируют на близлежащую крохотную площадь ничего не понимающих горожан, пойманных ими на улицах. Там местных ждала короткая, но очень насыщенная программа – сперва полюбоваться на насаженную на железный штырь голову Коллы, ярко освещенную, затем прочитать приклеенную чуть ниже бумажку, повествующую о том, что «Золотая змея» сожжена, ну а потом пройти чуть дальше, где пара человек графа Дориана Клагстона задавали им несколько насыщенных эмоционально вопросов, чаще всего получая испуганные и очень правдивые ответы.

– Видишь, как всё замечательно получилось? – удовлетворенно улыбался Михаил Басх, покуривая сигарету.

– Иди в задницу, – без особой злобы отвечал я ему, поглаживая рукоять замотанной в тряпки трофейной сабли, – Послать меня отрезать головы – это ни хрена не умный план.

– Ошибаешься, друг мой, – ни грамма не смущался вредный революционер, – Как раз вся сложность настоящего плана – это умение определить, чью бестолковку нужно отрезать, надеть на штырь и продемонстрировать народу. Поверь, именно так всё и происходит. Нужная отрезанная голова способна сподвинуть массы в тысячу раз надежнее чем тысяча речей!

– А в постель бошки чужие подкладывать не пробовал? – ехидствовал я, извлекая у вызывающего всё большую симпатию человека сигарету из неаккуратно выглядывающей из кармана пачки.

– В постель? Что-то в этом есть…

Милая культурная беседа о особенностях использования чужих голов неторопливо проистекала, курился дымок, шелестела листва над нами. Импульсы серого страха возникали перед моими глазами каждый раз, как очередного горожанина подтаскивали к голове полуголблина. У той приоткрылся рот, закатились глаза, а на языке так вообще был легкий белый налёт соли, от чего Колла производил впечатление печальное, а местами даже пугающее. Жаль только, что хлопоты сейчас отнюдь не заканчивались.

– Что с нашими придурками? – угрюмо спросил я, решив вернуться к уже лично своим проблемам.

– О! – оживился Михаил, разворачиваясь ко мне, – Представляешь? Эти двое случайно обожрались возбудителя из сумки бандерши, после чего им снесло крышу! Вопили и стонали так, что кузнечиха в ночь детей выгнала погулять, а потом и сама ушла их догонять! Я чуть со смеху не умер! Зато потом всё стало грустненько, Кастор. В общем, наша дорогая Эгита, опознав, наверное, чем они с кузнецом травануились, полезла к себе в сумку за особым снадобьем, «расслаблялочкой». Спазмолитик смешанный со крепким снотворным, я как-то пробовал. Отличная штука, если немного принять на ночь. Помогает заснуть, когда из тебя только выковыряли пулю или там, к примеру, зуб болит… Наркоманы «расслаблялочкой» ломку снимают, судороги и всё такое. Мы этой штукой твою Стеллу кормили. И че? Представляешь? Она по ошибке вместе «расслаблялочки» себе хинтарь положила! Ну и взяла его сослепу, да и рыжему своему сунула… короче, земля им пухом обоим!

– Вот как…, – отреагировал я на бурный монолог Крюгера. В переводе на человеческий это значило, что услышавшие из уст слетевшей с катушек Стеллы очень много лишнего люди… мертвы. Хинтарь был редкой, сильной и едкой наркотой, со временем убивающей чувство вкуса. Достаточно было пары крупинок на язык, чтобы вслед за мерзким жгущим вкусом медленно накатило многочасовое блаженство. Даже не позавидуешь помершим от передоза, так как по словам посерьезневшего Басха, кузнец и бордель-маман не успели дождаться прихода.

Жалко их не было. Не стоило старой куртизанке болтать с чужой пленницей, задавать наводящие вопросы, а затем еще и делиться добытым знанием со своим любовником. Рыжему

тоже нужно было по уму бежать, теряя портки, к Басху, и каяться во всех грехах, но они недооценили Крюгера. Поставлю заметочку не допустить той же ошибки. Этот невысокий худой человек с разными глазами может и был когда-то обычным уличным хулиганьем, но с тех пор прошло много времени и событий. Рядом со мной на лавке сидел и беззаботно пускал дым в небо матёрый, опытный, умеющий ставить свою жизнь на кон (и выигрывать) волк.

– Что дальше? – прервал я молчание вопросом к напарнику, – Заляжем на дно, пока граф не обделает свои делишки?

– Мнээ… нет, – покачал головой Михаил, извлекая из кармана часы-луковицу. Посмотрев на время, он удовлетворенно кивнул самому себе, а затем бодро вскочил с лавки, – Идём! Нас ждёт одно дельце!

– Квадра Патриарха получает 1 уровень. Текущий уровень – 28

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.